

Флегетон

Автор:

Андрей Валентинов

Флегетон

Андрей Валентинов

Отряд подполковника Сорокина отбивает атаки большевиков в заснеженной таврийской степи...

Андрей Валентинов

Флегетон

То, что я должен сказать...

Александр Вертинский

<На отдельно листке, неразборчиво>

«Белой акации гроздь душистые вновь ароматом полны. Вновь разливается песнь соловьиная в тихом сияньи луны. Помнишь, любимая<зачеркнуто>. «Смело мы в бой пойдем за Русь Святую и за нее прольем кровь молодую.» (Вариант: «и всех жидов побьем – напрополую», пели у Дроздовского и у нас тоже, у алексеевцев не приветствовалось). История: довоенный романс, песня русских кадетов, большевистская «как один умрем», наша. Туркул рассказывал, про «антидроздовский» вариант: «и всех «дроздов» побьем – сволочь такую!» (пела курсантская бригада летом 20-го.)

Поместить полный текст в начале?

<Далее зачеркнуто>

<Записи в тетради. Без даты, с середины страницы.>

Огненное зарево затопило полнеба, и недвижная гладь Днепра казалась розовой. Город горел, пламя рвалось ввысь, и сквозь него лишь кое-где проглядывали черные коробки домов. Разрывы снарядов сливались в сплошной гул, еле различимо стрекотали пулеметные очереди. Я стоял, не в силах тронуться с места и отвести глаза от красного зарева. Тут заржал Лютик. Я помотал головой, отгоняя наваждение, и тронул каблуком его бока. Конь шагнул вперед, и вслед за мной тронулись все остальные. Дорога пошла вниз, стало светло, как днем, и трепещущий красный огонь окружил нас со всех сторон.

Почему-то чаще всего вспоминается именно это – миг, когда наши кони ступили в огненную реку. Кто скажет, почему?

Да и было ли? Сейчас, когда с Эгейского моря дует теплый ветер, а над желтым прибрежным песком<зачеркнуто>.

<С новой страницы>

5 апреля 1921 года. Полуостров Галлиполи.

С Эгейского моря дует теплый ветер, белое полотно наших палаток еле заметно подрагивает, а над желтым прибрежным песком с самого утра неторопливо парят огромные, совсем не похожие на наших крымских, чайки.

Значит, все-таки весна.

Сегодня наше Богом проклятое Голое Поле затихло: неугомонный Фельдфебель с утра пораньше поднял Дроздовскую дивизию по тревоге и увел ее куда-то за

холмы – отрабатывать отражение десанта. К счастью, я успел вовремя сказаться больным, ибо охота играть в эти игры пропала у меня достаточно давно. В общем, я прохворал подобным образом почти всю зиму, а, попросту говоря, отсыпался за последние шесть лет. Конечно, подобную роскошь могут позволить себе далеко не все. Фельдфебель, похоже, очумел окончательно: полковников – и тех ставит под ружье и гонит в штыковую. Всех чаек в округе распугал! Куда уж мне, штабс-капитану, да еще из какой-то сомнительной части, от которой, ежели признаться честно, остались только несколько офицеров – и смутные предания, гуляющие, думаю, и по сей день по таврийским степям. Но меня все же не трогают. Все-таки три контузии, а самое главное – маленький крестик с терновым венцом и серебряным мечом. С этим крестиком я уже не сомнительный штабс-капитан, а живая легенда, учебное пособие для наших юнкеров. Извольте видеть, господа, участник Ледяного похода собственной персоной. Ну да, того самого. И живой, что самое удивительное.

Этот крестик я не носил ни дня с тех пор, как нам троим – поручику Огоновскому, подпоручику Михальчуку и мне – вручил эту награду генерал Романовский, помнится, в августе 19-го. Несолидно как-то. Ну, были. Ну, шли. Одни мы, что ли? А здесь крестик оказался как раз к месту – чтоб меньше приставали. Вон Фельдфебель – тот его с кителя на китель перевешивает, а я, между прочим, что-то не помню его ни в Ростове, ни под Екатеринодаром. Впрочем, был, наверное. Где-нибудь рядом с Антоном Ивановичем, в обозе. Ну, того инфлюэнца косила; а, интересно, какой это хворью Фельдфебель маялся, когда генерал Марков водил нас в штыки в тот проклятый последний день? Хотя нет, помню его, Фельдфебеля – как раз в тот день, только ближе к вечеру, в Гначбау, когда хоронили Лавра Георгиевича. Схоронили, могилу заровняли и на карту нанесли. Да что толку, через день красные все равно разрыли! Стоял тогда Фельдфебель у гроба. Правда, плакал или нет – врать не буду, запомятовал.

А вот теперь и крестик пригодился. И ему, и мне.

Поручику Усвятскому легче: устроился в нашу, с позволения сказать, газету и отлынивает от всех нарядов под предлогом сочинения очередной главы своего бессмертного опуса «Необычайные похождения капитана Морозова и поручика Дроздова в тылу у большевиков». Первую главу, ежели память не изменяет, тиснул еще в декабре, а капитан с поручиком еще на середине своего крестного пути. И ведь читают! Фельдфебелю, конечно, вся эта жюльверновщина противопоказана, но кто-то в штабе распорядился – и вот, извольте видеть,

поручик Усвятский гуляет и в потолок, точнее, в белый полог нашей палатки, поплевывает. И правильно делает, между прочим.

Ладно, хватит об этом – дорвался до белой бумаги, обрадовался! И бумага, между прочим, не моя, а все того же Усвятского, купленная в последнее увольнение во граде Константинополе, сиречь (ежели по-турецки) в Истанбуле. Ну да ладно, бумаги много, господа Морозов и Дроздов никуда не денутся, избегнут жидо-большевистских козней, а полпачки я конфискую. Как старший по званию и герой Ледяного похода.

Вообще-то говоря, я хотел привести свои записи в порядок еще в Албате, но из благого намерения ничего тогда не вышло; потом был променад до Каховки и обратно, а затем я всю зиму отсыпался на нашем Голом Поле. Ну, а нынче весна, чайки летают, а нас того и гляди отправят куда-нибудь в Занзибар. Отступать некуда, надо начинать. Тем более, что господа большевики облегчили мне задачу: из трех моих тетрадей уцелела всего одна, последняя. Ее, кем-то забытую, я нашел в том самом классе Мелитопольской гимназии, где мы стояли в январе 20-го. Помнится, первые две страницы были исписаны задачками по алгебре, и ими (страницами вкупе с задачками) была распалена железная печка. А тетрадь я отбил, не отдал на растопку. Жалко стало – толстая, с прочными, прямо-таки книжными политурками, да еще с золотым обрезом. Моя тетрадь N2 кончилась, и находка пришлась ко двору.

Тетрадь N1 (куплена в июле 15-го, экая древность!) я спрятал у своего квартирного хозяина в Ростове перед тем, как уйти в этот самый великий поход. Думал через неделю вернуться (и разве я один так думал!). Вернулся через месяцев десять: ни хозяина, ни, само собой, тетради. Теперь уже и не вспомнишь, что в ней было, а вспомнишь – не поверишь. Господи, помилуй – какой порыв! Господа вольноопределяющиеся! Добровольно вызвавшиеся заменить павших на поле славы офицеров! Прапорщик Пташников! Поздравляю вас первым офицерским чином, полученным на поле брани! Поручик Пташников! Указом Государя Императора вы награждаетесь... Последние записи я делал уже в декабре 17-го, как раз в Ростове. Теперь уже их не найдешь, разве что на Лубянку написать, чтоб поискали.

Где я посеял тетрадь N2 – уже и не упомяну. Обидно – и весьма, поскольку на большевиков и даже на жидо-масонов не свалишь. Сам потерял где-то между Каховкой и Уйшунью. Наверное, сей форс-мажор случился все-таки в Геническе, когда мне несколько облегчили вещевой мешок. На раскурку, видать, пустили.

Наши дроздовцы все на чеченцев кивали, да теперь уж не докажешь. Знаю я «дроздов», особенно когда у них курево кончается! Тетрадь N2, безусловно жалко, хотя и не так – я почему-то записывал в ней, в основном, хронику боевых действий. Потеря невелика, в будущих историях Смуты все сие будет изложено досконально и, надеюсь, полно. Правда, там было записано несколько наших песен, если можно так выразиться, фольклор. Кое-что я, правда, помню, но некоторые, особенно те, что пел поручик Огоновский, уже подзабыл. Впрочем, авось поручик Усвятский поможет; память у него отменная – естественник, ему Бог велел. Куда уж нам, с историко-филологическим образованием!

Итак, тетрадь N3. Вначале я думал попросту переписать ее, восстанавливая сокращения и, где следует, комментируя. Но уже первая страница ставит в тупик, и дело даже не в почерке. Наверное, мне тогда казалось, что достаточно будет взглянуть на эти пиктограммы – и сразу же вспомню все. Экий наив, право, да еще на третьем году Смуты!

Ну, да ладно, будем разбираться.

Итак, первые несколько записей сделаны в Мелитополе. Прибыли мы туда 31 декабря, аккурат под Новый год. «Мы» – это несколько офицеров и три десятка нижних чинов, все, что осталось от знаменитого Сорокинского отряда после того страшного боя под Токмаком. Собственно, это и был последний бой нашего отряда, когда мы еще напоминали воинскую часть, с которой считался не только противник, но и наше собственное командование.

Токмак, Токмак... Какое нелепое название!

В Токмаке (две дюжины хат среди заснеженной степи) мы не собирались задерживаться, но в последний момент подполковник Сорокин отдал приказ занять оборону и держать город. Вообще-то я до сих пор не уверен, что Токмак – это город. По-моему, его вид позорит сие благородное и к столь многому обязывающее звание.

Но делать было нечего, кто-то на другом конце телеграфного провода распорядился, и обе наши роты – первая, штабс-капитана Докутовича, и вторая, моя – начали наскоро укрепляться в сараях и старых окопах у околицы. Приводить в порядок окопы не представлялось возможным: мороз стоял за минус двадцать по Цельсию, и таврийский чернозем поддавался только

динамиту. В роте у меня оставалось сорок штыков при пяти офицерах. У штабс-капитана Докутовича людей было чуток побольше: он вечно просил у подполковника Сорокина пополнения, и тот, добрая душа, ему не отказывал. Подразумевалось, что моя рота, где трое офицеров прошли Ледяной поход, как-нибудь справится и так. И справлялись, в общем-то; но тогда, под Токмаком, нам всем пришлось туго. Так туго, как, пожалуй, не бывало с тех, теперь уже совершенно легендарных времен, когда мы с Чернецовым попали в мешок под станцией Глубокая.

Итак, нам пришлось скверно. Красные были давно не те, что в чернецовские времена. Еще весной 19-го в Донбассе мы могли позволить себе роскошь наступать колоннами и ходить в «психическую» – без выстрелов, со стеклом и под песню (пели отчего-то исключительно «Белую акацию»). Ну, а если попадалась какая-то упрямая дивизия, как правило, венгры или китайцы, мы попросту перебрасывали на грузовиках все, что у нас было в нужное место – и давили огнем. За остальной фронт можно было не волноваться: краснопузые дисциплинированно ждали, когда мы прогрызем оборону, а потом уже совместно бежали. Вот бегали они хорошо, не спорю. Так мы их и гнали почти до Тулы. А когда маятник качнулся обратно, и головорезов Андрюшки Шкуро шуганули от Орла, то красных, считай, подменили. Тут уж в психическую со стеклом не пойдешь. Тут дай Бог пулеметами отбиться. Не те стали краснопузые!

Чудес тут, собственно, нет, просто господин Бронштейн начал что-то соображать, и часть офицеров направил не в подвалы Лубянки, а напрямик в кристально-классовую Рачью и Собачью Красную Армию. Говорят, к каждому офицеру там приставлен еврейчик, чтобы следить за, так сказать, благонадежностью и в случае чего стрелять одного офицера на месте. И правильно! А то думали господа служивые отсидеться, гуталинчиком приторговывая. Тогда, в декабре 17-го, в Ростове из офицеров можно было сформировать корпус полного состава. А сколько ушло с Лавром Георгиевичем? Так что нечего их жалеть. Мы, во всяком случае, бывших офицеров в плен не брали. И ежели, не дай Господь, конечно, придется возвращаться и все начинать по новому кругу, то и брать не будем. В конце концов, господа пролетарии дерутся за свой классовый рай с бесплатной селедкой, а эти, которые бывшие, за что? За хлебное и прочее довольствие? Ну и пусть не жалуются!

Так или иначе, но тогда, под Токмаком, нас обложили по всем правилам. Грамотно обложили – и стали выкуривать. Первый день еще можно было держаться: патронов хватало, да и у красных не хватало артиллерии. Но даже и

без артиллерии прижали они нас крепко, головы поднять не давали, а к вечеру на горизонте, словно призраки из нашего недавнего прошлого, появились пулеметные тачанки. Тут началось нечто вроде легкой паники, кто-то первым брякнул «Упырь», и всем стало не по себе.

Этот «кто-то» был, по-моему, все тот же штабс-капитан Докутович. Я тогда забежал в наш, с позволения сказать, штаб, то есть в более-менее протопленную хату, где находился подполковник Сорокин, и куда мы стаскивали раненых. Подполковнику Сорокину уже тогда было худо, он все время кашлял, но держался молодцом и командовал дельно. Туда же, в наш импровизированный штаб, заскочил и штабс-капитан Докутович. Он, помнится, попросил последний пулеметный расчет, естественно, его получил и, уже прикуривая, брякнул об Упыре. Храбрый он офицер, и воюет недурно, но махновцы – его больное место. Все не может забыть бой под Волновахой. И я не могу забыть Волноваху, но в Упыря, признаться, не поверил. Просто господа большевики научились всякому, в том числе и пулеметным тачанкам. Вскоре выяснилось, что так оно и было. Наступали на нас чухонцы, то есть красные эстляндцы, и тачанки были их собственные. Чухонские, так сказать.

У меня еще стреляли три пулемета, и я, не мудрствуя лукаво – где уж тут мудрствовать, на таком морозе! – поставил два пулемета по флангам, а третий в центре. Благо, впереди была степь, мертвых зон практически не оставалось, а патроны еще имелись. Помнится, на левом фланге за пулеметом был поручик Голуб, а на правом – поручик Усвятский. Я находился в центре, словно Спаситель на Голгофе, и под прикрытием бывшего сельского учителя из Глухова и бывшего студента-химика Харьковского технологического института чувствовал себя вполне спокойно. Когда мои фланги начинали замерзать, бывшего учителя и бывшего студента меняли прапорщик Новиков и подпоручик Михальчук. При себе я держал поручика Огоновского, который, несмотря на хандру, был еще способен заменить меня на пулемете. Нижних чинов я к пулеметам не подпускал. На всякий случай.

Эта недурная диспозиция сохранялась еще сутки и, в общем-то, оправдывала себя. Красные, имея преимущество где-то один к четырем, атаковали почти непрерывно, очевидно, тоже меняясь. Но они были в чистом поле, морозец все крепчал, а я мог все-таки греть своих людей и даже давать им поспать часок-другой. Не сон, конечно, но все же лучше, чем под ветром в таврийской степи. Еще год назад можно было ожидать, что краснопузые не выдержат, соберут митинг и, перестреляв командиров с комиссарами, отправятся делать мировую

революцию куда-нибудь южнее. Но эти выдержали, а затем подкатила артиллерия, и вот тогда морозец начал продирать уже не их, а нас.

Их главный чухонец рассудил трезво и начал гвоздить не только передовую, как поступил бы дилетант, но открыл навесной огонь в глубину. Город – если Токмак все-таки город, в чем я продолжаю сомневаться – ему было не жалко, равно как и его почтенных обывателей, которые по простоте душевной в эти часы, наверное, уже готовили красные флаги. Впрочем, на его месте я (и всякий иной) поступил бы так же. Да, научились они воевать! Видать, и мы помогли немного. Так сказать, вариант с Петром Алексеевичем и шведами. Ну еще бы! Помнится, кумир моих уважаемых родителей господин Чехов писал что-то о зайце и спичках. А господа красные, к величайшему сожалению, не зайцы. И, как выяснилось, учиться умеют.

Когда вокруг начало все гореть, кое-кто из нижних чинов, особенно которые из бывших пленных, стали подаваться в тыл, тем более, сгущались сумерки, что весьма облегалo указанный маневр. Конечно, жить хочется всем, в том числе и бывшей красной сволочи, но тут уже было не до сантиментов. Двоих, самых ушлых, я уложил на месте лично, на флангах господа офицеры тоже навели порядок, однако артиллерия лупила всю ночь, и к утру в моей роте нижних чинов заметно поубавилось. Впрочем, у штабс-капитана Докутовича было не лучше. Мы всегда выступали против этого странного порядка – посылать пленных на передовую. Когда я воевал у Чернецова, когда шли в поход с Лавром Георгиевичем, и потом, на Кубани и в Донбассе, в нашем отряде таких проблем не возникало. Можно было не бояться, что выстрелят в спину или драпанут в самый разгар боя. Но нас, настоящих сорокинцев, становилось все меньше, и к нам стали присылать этих самых, которые... Во искупление, так сказать. Припоминаю спор с подполковником Сорокиным еще перед Волновахой: он все разводил руками и жаловался на командование корпуса. Впрочем, теперь я понимаю, что мы зря горячились. Тех, кто уходил в декабре 17-го, уже не воскресить, а мобилизованные еще хуже бывших пленных. Те хоть «чеки» боятся.

Удивительно, но за всю эту страшную ночь мы не потеряли ни одного офицера, и когда на рассвете красная чухна пошла на приступ, мои пулеметы вновь сыграли дробь. На том, однако, наше везение и кончилось. Чухна поначалу откатилась, облизнулась, а затем сделала то, что сделал бы и я сам – выкатила пушки на прямую наводку. Ну, а наши пулеметные точки особо искать не приходилось – бой шел уже третий день.

Прапорщика Новикова уложило почти сразу: ему снесло полчерепа осколком, и вопрос о медицинской помощи даже не возникал. Мы оттащили его в сторону, накрыли тем, что осталось от его шинели и кто-то, по-моему, поручик Голуб, успел в передышке перед следующей атакой прочесть заупокойную молитву. По чести говоря, молитву должен был читать поручик Усвятский, все-таки поповский сын, но он как раз сменил прапорщика Новикова у пулемета.

Сеня, Семен Николаевич Новиков, воевал с нами с весны 19-го. Он был родом откуда-то из-под Белгорода, добровольцем пошел на германскую и даже успел получить «клюкву» за бои под Ригой. Воевал он спокойно, грамотно и особенно хорош был в штыковой. Впрочем, в дни затишья он также первенствовал: наверное не один десяток хохлушек имеют основания помнить нашего белокурого Сеню. Красивый был юноша. Очень. Кажется, у подполковника Сорокина оставался его адрес, но писать мы не стали. Дома у Семена уже стояли красные, и незачем было задавать «чеке» лишнюю работу. Может, так оно и лучше – пусть те, кто его еще ждет, надеются.

Хотя какое тут, к черту, может быть «лучше»!

К полудню стало ясно, что следующая атака может стать последней. Нижние чины один за другим норовили отползти куда-то за плетень, мои фланги прикипели к пулеметам, а красные вошли в азарт, выкатив прямо на pistolетный выстрел пять тачанок. Я понимал, что если уходить, то немедленно. Да и не придется всем уйти – поздно! С какой-то тупой обреченностью я думал, кто из моих офицеров будет следующим. Каждую секунду я ждал, что один из пулеметов – слева? справа? – замолчит, но пулеметы били, не умолкая. Бог хранил бывшего химика и бывшего сельского учителя. О себе я тогда как-то не думал, будучи почему-то уверен, что моя очередь – последняя. Так или иначе, но нам троим судилось уйти из Токмака живыми.

Приходится прерываться. Поручик Усвятский вернулся, полный новых творческих планов и, не уважая ни чин, ни возраст, прогоняет меня из-за нашего единственного стола, требуя при этом, чтоб я учитывал интересы поклонников его военно-полевой музыки. Ну, так тому и быть!

6 апреля.

Пишу вечером, при свече, чем определенно ухудшаю свое каким-то чудом сохранившееся зрение. К сожалению, весь день был занят, тут и крест не помог.

Утром меня потащили читать нашим юнкерам лекцию по военной истории. Отвертеться не удалось, и пришлось два часа рассказывать невеселую эпопею Восточной войны, в книгах обычно именуемой Крымской. Поучительная история, но действительно невеселая. Правда, под конец лекции я сам немного увлекся. У нас в семье Крымскую вспоминали часто: дед отвоевал ее всю, сперва на Дунае, а затем на батарее N5, которая находилась аккурат на месте нынешнего Исторического бульвара славного города Севастополя.

После обеда (про обед разговор особый и не к ночи) нас вместе с поручиком Усвятским направили на преужасное сонмище, именуемое штабной игрой. Собственно, никакая это не штабная игра, просто некий хорошо выглаженный полковник чуть ли не из самого Парижа ознакомил нас с соображениями командования по поводу предстоящего десанта в Крыму. Я не особенно внимательно слушал эту очередную сказку Шехеразады. Такие арии да еще в подобном исполнении предназначены исключительно для поднятия нашего духа. Отпев положенное, выглаженный полковник предложил задавать вопросы. Вопросов, естественно, не последовало, тогда он, явно обиженный подобным нашим отношением, поинтересовался по поводу, так сказать, иных мнений.

Да, большими демократами стали наши отцы-командиры – после Перекопа.

Тут уж меня начали подталкивать в спину. Иные мнения – это, действительно, по моей части, правда, ежели настроение тому соответствует. Нельзя сказать, что за эти самые мнения меня тут очень любят. Скорее, совсем даже наоборот, тем более, мое иномыслие приписывают нашей, якобы, дружбе с Яковом Александровичем. Ну, конечно! Среди господ марковцев и корниловцев, а особенно среди прихлебателей Фельдфебеля, считаться другом Якова Александровича даже как-то неприлично. Таких, как я, здесь именуют (за глаза, само собой) «слащевцами». Обычно я отмалчиваюсь, но ежели спрашивают, отвечаю искренне: личным другом генерала Слащева-Крымского не являлся и не являюсь, хотя быть другом такого человека, как Яков Александрович, почел бы за честь. Как и служить под его командованием. А то, что я слащевец (без кавычек) – горжусь.

В общем, не понравился мне этот полковник, и я попросил слова. Сославшись на слабое военное образование, многолетнее окопное одичание и три контузии, я

покорнейше попросил все сие учесть и только с учетом этих смягчающих обстоятельств выслушать мои недостойные соображения.

Соображения же были до чрезвычайности просты. У нас три неполные дивизии без тяжелого вооружения, конфискованного союзниками, а равно и наших продовольственных запасов, конфискованных ими же. Вдобавок, флот, вернее, то, что от него осталось, мы не сможем использовать из-за отсутствия денег на топливо и в связи опять-таки с запретом все тех же упомянутых благодетелей. У большевиков же в Крыму стоит целая армия. Еще одна, считающаяся «трудовой», но имеющая легкое стрелковое вооружение, стоит у Сиваша и ковыряет для господ комиссаров крымскую соль. Большевистский флот, хотя и небольшой, но, как показал прошлый год, вполне боеспособный, опирается на наши бывшие черноморские базы, имея, помимо всего прочего, союзником флот кемалистских мятежников. Да и Крым после зимней «чистки», проведенной ублюдком Пятаковым и его башибузуками, не способен дать нам даже минимального пополнения.

И, наконец, даже в случае удачи, красные заткнут с севера крымскую «бутылку» и повторится прошлогодняя ситуация. Так сказать, дурная бесконечность в действии.

В заключение меня подмывало высказать надежду на то, что командование разработало секретный способ хождения по морю, аки посуху. В этом случае, да еще с резервом в виде взвода архангелов с огненными мечами, можно гарантировать нашему десанту процентов этак сорок успеха. Впрочем, последние соображения я придержал при себе, сообразив, что в воздухе и так пахнет скандалом.

Но – поздно.

Сказанного вполне хватило. Полковник и возразить не успел, как один из камерлакеев нашего Фельдфебеля поспешил заметить, что штабс-капитану Пташникову чрезвычайно милы здешние пляжи и что он ждет – не дождется купального сезона. Затем вступил хор, не очень дружный, но весьма громкий, с популярной ораторией «Чего еще ждать от этих слащевцев?» Признаться, я и не ожидал, что у меня осталось то, что называют нервами. Пришлось прикусить язык – от греха. Дослушав до конца, я довольно вежливо предложил автору этой реплики вместе со мной, участниками хорового коллектива, и, само собой, с его высокоблагородием господином полковником первой же шаландой отправиться

в Крым, дабы разведать все на месте, а по возвращении рассудить, кто прав, а кто нет. Тут уж надлежало высказаться полковнику, но он внезапно в самом примирительном тоне заявил, что без колебаний отправится в Крым в компании с ветераном Чернецовского отряда. Это уже было интересно, поскольку свой Чернецовский крест я на кителе не ношу – он у меня без планки. В общем, как только вся ворчащая свора расползлась, сообразив, что акт каннибализма откладывается, я подошел к нашему парижскому гостю. В отряде Чернецова мы с ним не встречались. По крайней мере, его я там не запомнил, хотя те славные и страшные недели вспоминаются часто. Чаще даже, чем величайший из великих, Ледянящий из Ледяных анабазис.

Оказалось, что полковник, тогда он был капитан, все-таки был у Чернецова, но недолго. Под Дебальцевым его контузило, и он был переправлен в Ростов. Меня он узнал сразу, а вот я его, к стыду своему, нет. Тут, по логике вещей, следовало появиться бутылке, и бойцы за общим столом должны были помянуть минувшие дни. Но бутылки не оказалось, полковник спешил, да и пить с ним мне как-то не хотелось. Прощаясь, он глубокомысленно посоветовал мне не впадать в пессимизм, поскольку великие державы нам помогут, а большевиков через месяц свергнут разъяренные крестьяне.

Ну да! Помогут, свергнут... Как же! Хорошо быть оптимистом в городе Париже!

Ладно, Бог с ними со всеми. Вернусь к дневнику. Тогда, в Таврии, все было как-то проще.

Да, следующая атака красной чухны могла стать последней. Но чухна что-то долго возилась, и тут вестовой позвал меня в штаб. Там уже был штабс-капитан Докутович, а бледный, едва державшийся на ногах подполковник Сорокин показывал ему обрывок телеграфной ленты. Когда я появился на пороге, сей обрывок был предъявлен и мне. Это был наш пропуск в новый, 1920 год: штаб корпуса разрешал нам отступить на Мелитополь, и мы имели шанс дожить до первого января. Правда, не все...

Мы переглянулись с подполковником. Ситуация казалась простой до глупости и даже не нуждалась в обсуждении. К краснопузым еще не подошла конница, и мы вообще-то имели возможность оторваться, ежели, конечно, вынести за скобки их тачанки. Но в любом случае, у Токмака следовало оставлять заслон. Не менее взвода и обязательно с офицером.

Штабс-капитан Докутович был уже мысленно в Мелитополе, а то и в Карасубазаре, где его ждала семья, поэтому нам пришлось немного растормошить его, предложив высказать свое мнение. В первую секунду штабс-капитан, кажется, решил, что арьергард поручат именно ему, и смотреть на него в эту секунду было неприятно. Что ж, умирать никому не хочется. Но еще через мгновение штабс-капитан Докутович сообразил, что подполковник Сорокин болен, а заместителя командира отряда никто в прикрытие не пошлет. Тут уж он посмотрел на меня.

Я не скажу, что мне было все равно. Просто меня не оставляла странная уверенность, что этот бой для меня не последний. Но я уже готов был вызваться в арьергард – хотя бы для того, чтобы подполковник Сорокин не подумал напоследок обо мне плохо. В конце концов, меня не ждет семья в Карасубазаре, а для последнего, личного, так сказать, боя Токмак вполне подходил. Архитектура, конечно, своеобразная, но того, кто здесь останется, эта проблема скоро перестанет беспокоить.

Вероятно, подполковник Сорокин меня понял. Он всегда меня понимал и, похоже, что-то решив, поинтересовался, кто из офицеров остался в нашем распоряжении. Штабс-капитану Докутовичу и мне стало ясно, что мы должны уходить с отрядом. Едва ли подполковник Сорокин нас пожалел. Просто он знал, что вот-вот хворь свалит его окончательно, и оба ротных будут еще нужны отряду. А может, и пожалел – кто его знает?

У Докутовича лишних людей, естественно, не нашлось. У него никогда не бывает ничего лишнего – зато всегда есть все необходимое. Планида такая! Правда, взглянув на меня, он поспешил добавить, что офицеров у него осталось трое, все трое – молодые прапорщики, а тут требуется кое-кто другой. Спорить я не стал. Даже если оставить здесь всех троих его прапорщиков, красные пройдут через Токмак, как нож сквозь масло.

Стало быть, умирать придется кому-то из моих.

Я возвращался на околицу, где изредка постреливали в ожидании атаки и, помнится, думал о том, что честнее и проще остаться здесь самому, чем оставлять кого-то из тех, кто еще жив и надеется выжить. Но мне было приказано уходить, и оставалось решить, кому уйти не суждено.

Вероятнее всего, следовало было оставить здесь поручика Огоновского. Воевать поручик умел и сделал бы все как надо. Конечно, поручики Голуб и Усвятский сделали бы все не хуже, но жертвовать ими я не имел права – хотя бы потому, что оба они могли бы принять роту, ежели мне не повезет. Они могли, а вот поручик Огоновский не смог бы.

Все так, но оставлять в прикрытии поручика Огоновского было нельзя, и вовсе не потому, что он был моим приятелем, как шептали все вокруг, и я берег его пуще прочих. Просто, поручик Огоновский был уже не тот, что полгода назад. Сломался поручик!

Так бывает. Храбрый офицер, воевавший не один год и не два, не кланявшийся пулям, вдруг начинает проситься в тыл, прячется в лазарете, пишет рапорты начальству. Те, кто помоложе, ну хотя бы штабс-капитан Докутович, склонны видеть тут чуть ли не трусость. Поглядели бы они на поручика Огоновского в июне 17-го под Ковелем или годом позже под Екатеринодаром! Тут же пропала бы охота болтать ерунду! Дело в ином. Еще на Германской мы называли это «Ангел пролетел». Тот самый Ангел, что прилетает рано или поздно за нами всеми. Просто перед некоторыми он появляется раньше, и они, в отличие от нас прочих, мнящих благодаря Божьей милости себя бессмертными, уже знают, что смертны. И знают, что им осталось недолго.

Поручик Огоновский сломался после Волновахи. Тогда, в самом пекле, когда этот бес Белаш, его махновское превосходительство бандитский фельдмаршал, размазал по закаменевшей донецкой земле нашу третью роту и прижал к терриконам оставшиеся две, поручик Огоновский сутки не отлипал от пулемета. И в том, что Якову Александровичу, прорвавшемуся к нам со своим корпусом, было еще кого спасать, есть немалая его заслуга. Тогда о его трусости никто не болтал. А днем позже, когда Белаша мы все-таки отбросили и даже погнали на юг, поручика Огоновского было не узнать. Я-то понял сразу, в чем тут дело, и не отпускал его с тех пор далеко от себя. А сломала его окончательно, конечно, смерть прапорщика Морозко, Татьяны Николаевны, нашей Танечки, в которую он – или с которой он... Впрочем, теперь это уже не имеет никакого значения. Никакого...

Танечка прошла с нами все – и чернецовскую эпопею, и Ледяной забег, и Кубанский анабазис, и бои в Донбассе, и Волноваху. Мы берегли ее от пуль, но от воспаления легких спасти не смогли. Мы похоронили ее за неделю до Токмака в безымянном хохлацком селе, сорвав предварительно с ее шинели погоны, чтоб

проклятые пейзажи не сообщили антихристам, что тут похоронен офицер. Ее солдатский Георгий я отдал подполковнику Сорокину. Еще год назад его коллекция вымороченных наград вмещалась в коробке из-под леденцов Жевержеева, а сейчас он набил ими свою полевую сумку чуть ли не доверху. Теперь уже не установишь, где чьи, да и к чему? Сегодня в его сумку перекочевала скромная красная ленточка – «клюква» Сени Новикова.

Да, на поручика Огоновского надежды оставалось мало, химик и сельский учитель были незаменимы, мне было приказано жить дальше. Значит, умирать придется подпоручику Михальчуку. Я отозвал его с правого фланга, приказал отобрать двадцать нижних чинов по его выбору. Это все, что я мог сделать. Ему оставалось двадцать человек, пулемет и полный цинк патронов.

Подпоручик Михальчук всегда был гусаром, недаром покойный генерал Марков постоянно ставил его в пример. А между прочим, понравиться генералу Маркову – это было нечто другое, чем понравиться, скажем, нашему Фельдфебелю. Генерал Марков знал, как должно воевать. И как умирать, знал тоже. Поэтому подпоручик даже не мигнул, когда я сказал ему о полном цинке патронов. Вернее, нет, он как раз мигнул, точнее, подмигнул, потребовав впридачу коробку «Мемфиса». Он знал, что просит: я носил в полевой сумке нераспечатанный «Мемфис» – чтобы покурить напоследок. Я вынул из сумки папиросы, сунул подпоручику Михальчуку и, не оглядываясь, пошел распоряжаться об отходе.

Все оказалось даже хуже, чем я думал. У нас имелось восемь тяжелораненых, которых нельзя было эвакуировать в такой мороз; вдобавок, подполковнику Сорокину стало совсем плохо, и он присоединился девятым к этой компании. Штабс-капитан Докутович превзошел самого себя и выволок откуда-то из-под земли три подводы вместе с возницами, но мы оба знали, что до Мелитополя довезем немногих. Впрочем, вариантов не было: оставлять кого-либо чужне мы не имели права.

Мы вышли из Токмака минут за десять до того, как пушки краснопузых вновь рывкнули и жидо-чужна полезла на приступ. Уже на околице меня догнал связной от подпоручика Михальчука, сообщил, что все в порядке и за подпоручика можно не волноваться. Связной сунул мне какую-то тряпицу, козырнул и сгинул. Я сунул тряпицу в карман и только потом, сообразив, развернул ее. Что ж, подпоручик Михальчук помнил наши традиции: у меня на ладони лежали его Владимир четвертой степени – такой же точно, как у меня – и знак Ледяного

похода. Оставалось все это приобщить к коллекции подполковника Сорокина. Я нашел в его подводе тяжелую полевую сумку и бросил в нее очередную лепту.

Мы уходили быстро, а сзади весело стрекотал пулемет подпоручика Михальчука. Нашу колонну настиг все же пяток снарядов, что стоило нам троих нижних чинов, скошенных наповал одним взрывом. Шестой снаряд – последний – разорвался совсем рядом с дорогой, нас бросило на промерзшую землю. Я крепко ударился головой, поручика Усвятского забросало мерзлыми комьями, и на минуту от его междометий небу стало жарко. Потом мы вместе стали поднимать с земли поручика Огоновского, которого, как нам показалось, слегка оглушило. Мы трясли его, стараясь привести в чувство, а он не откликался и становился все бледнее. Подбежал штабс-капитан Докутович, волоча наш аптечный «сидор», начал извлекать из него чуть ли не английскую соль, но поручик Усвятский уже все понял и, отстранив склянку, чуть повернул голову поручика Огоновского в сторону. Все стало ясно. Осколок, маленький, не больше пуговицы, аккуратно вошел в левый висок. Прошел сквозь волосы, поэтому мы в первые минуты и не сообразили, что к чему. Ангел не зря предупреждал Володю Огоновского. Кажется, я не удержался и ляпнул какую-то несусветную глупость вроде «не ушел», но никто меня, ясное дело, не слушал.

Надо было спешить. Штабс-капитан Докутович – теперь командовал он – отдал приказ, и мы уложили Володю на обочину, укрыв шинелью, с которой предварительно содрали погоны. Этот ритуал мы разработали еще во время Ледяного марша. Окрестные пейзажи обычно хоронят таких, оставленных. Пусть не сейчас, пусть ближе к весне. А вот ежели найдут офицера, то могут отдать краснопузым, в агитационных, так сказать, целях. Любят они это! Лавра Георгиевича несколько дней возили по Екатеринодару, глумились от всей их собачьей души, а после устроили свое жидо-комиссарское аутодафе. Поэтому пусть Володя лежит тут без погон и документов. И пусть простит нас за то, что мы ничего не можем поделать с закаменелым таврийским черноземом.

Requiem in pacem!

Мы уходили на юг, а в оставленном нами Токмаке все еще что-то гремело, и долгими очередями бил пулемет подпоручика Михальчука. Я чувствовал, что за пулеметом был он сам – его почерк. Поручик любил стрелять длинными очередями в упор, расходуя патроны без счета, за что вечно получал от меня на орехи. Ну теперь он, стало быть, дорвался. Теперь – можно. Теперь ему было все можно...

Мы уходили все дальше, и гул боя постепенно затихал. Едва ли подпоручик и его двадцать гвардейцев продержались долго. Но, во всяком случае, этот примитивный маневр оправдал себя: красная чухна уже успела обжечься и предпочла обкладывать наш арьергард по всем правилам. Вероятно, они сразу и не разобрались, что большая часть отряда сумела уйти. Господа обыватели, были бы, конечно, рады из классовой солидарности подсказать наш маршрут, но краснопузые своими гаубицами загнали их вглубь погребов, так что на этот счет можно было не беспокоиться. В общем, подпоручик Михальчук оказался на высоте и в этом бою. Мы больше ничего не слыхали о нем, даже когда вернулись в Токмак через полгода. В таких случаях раньше писали «пропал без вести», хотя куда (и как!) пропал – было яснее ясного. Надеюсь, Саша не попал к ним в руки живым. Впрочем, случись даже это, чего каждый из нас боялся более всего, Саша, подпоручик лейб-гвардии Московского полка Александр Николаевич Михальчук, держался бы как надо. В этом я уверен.

В Токмаке осталась ровно половина нашего отряда. Я уцелел. Это можно назвать и везением.

Мы шли до Мелитополя шесть дней, шли на удивление спокойно, хотя встреченные по пути пейзажи злорадно обещали нам скорое знакомство с Упырем. Мы даже не отругивались, поскольку было действительно страшно: налети Упырь со своими тачанками, да еще в чистом поле, мы бы и десяти минут не продержались. Махно – это вам не красная чухна. Это людоед Божьей милостью и таврийскую степь знает, как собственный карман. С ним только Яков Александрович умел справляться, да и то имея за спиной корпус полного состава.

К счастью, в эти самые дни – мы узнали об этом значительно позже, в Мелитополе – Яков Александрович сумел еще раз прищучить Упыря у Кичкас. Махно увел тачанки на север, а мы сумели дойти до Мелитополя, как я уже успел отметить, аккурат под новый, 1920-й год, 31 декабря, часов в девять утра, когда солнце, красное, в морозной дымке, еще только-только поднималось над степью.

Ну вот, похоже, дописался до галлюцинаций. Нет, действительно, стреляют!

7 апреля.

Наши борзописцы уже успели создать легенду об ужасающей скуке в Голом Поле. Сие мы регулярно читаем в приходящих сюда всякого рода русско-берлинских и русско-парижских газетах. А напрасно пишут. Вчерашняя ночь – не из тех, когда скучают.

Нет, никакого красного десанта, к счастью (или к сожалению, это кому как) не случилось. Просто трое пьяных марковцев подрались с сингалезами. Сингалезы – ребята спокойные и, в отличие от марковцев, дисциплинированные, первыми в драку не лезут. Так что виноваты наверняка наши. А кончилось все очень плохо – кто-то из наших ослов продырявил сингалезского лейтенанта. Лейтенанта жалко – он держал своих арапов как должно, к нашим зря не цеплялся и, между прочим, имел три французские медали. Вот, стало быть, кроем, кроем союзничков, и за дело, по чести говоря, а сами-то каковы? И сингалеза жалко, и неприятностей не оберемся, да и стыдно попросту.

Впрочем, наши «дрозды» спешат уверить всех, что все беды только от марковцев. Интересно, а кто мой вещевого мешок переполовинил тогда, в Геническе? Все, все мы хороши, господа! Хоть намордники покупай.

Нам, между прочим, эта потасовка уже вышла боком. Поскольку мы, сорокинцы, вроде бы и не марковцы, и не дроздовцы, нас обещают отныне назначать в ночные караулы. Во всяком случае, поручика Усвятского, несмотря на его заклинания, отправляют сегодня ночью в компании с тремя юнкерами блюсти, так сказать, наше Голое Поле, особенно его марковскую часть. Вот такие мы, сорокинцы, незаменимые!

Уже здесь, в Голом Поле, когда мы немного обустроились и отоспались, уцелевшие сорокинцы стали потихоньку искать друг друга. В общем, нас осталось не так уж мало. Правда, эти сорокинцы уже, в основном, крымские, последнего призыва. Хотя бывают и чудеса: нашелся один прапорщик из той самой третьей роты, которую паровозный машинист Белаш расстрелял своими тачанками под Волновахой. Третью роту мы заочно отпели – и вот надо же! А от моей роты остались лишь мы с поручиком Усвятским и девять нижних чинов. Отвоевалась вторая рота.

Между прочим, в первые недели мы, сорокинцы, вынуждены были отстаивать здесь свою, с позволения сказать, индивидуальность. Дело в том, что Фельдфебелю вздумалось нас побрить. А это уж – извините! Устав, конечно, уставом, но все в нашей Добровольческой армии знали, что сорокинцы изволят

щеголять с бородами. Точнее, с короткими такими бородками. В конце концов, никто не заставляет дроздовцев снять эти дурацкие пенсне, хотя зрение у большинства из них отменное. И все потому, что полковник Дроздовский был слегка близорук. Ну и пусть носят! Наши же бороды оставьте в покое. После долгих пререканий Фельдфебель так и сделал, и теперь сорокинца узнаешь сразу. Правда, штабс-капитан Докутович бороду все-таки сбрил. Ему виднее, тем более, борода ему не очень шла. Вот подполковнику Сорокину с его бородкой было неплохо.

Нам, во всяком случае, нравилось.

В Мелитополе мы сразу же разделились. Штабс-капитан Докутович, теперь уже на правах командира отряда, отправился искать начальство, а заодно, что для нас было куда важнее, какую-нибудь крышу над головой. Мы же с поручиком Усвятским и несколькими нижними чинами поспешили на станцию, где, по слухам, стоял санитарный поезд. Следовало спешить – нашим тяжелораненым, а их оставалось теперь только двое, было совсем скверно. Наш командир Сорокин все никак не приходил в себя, хотя дорогой мы использовали весь наш оставшийся спирт ему на компрессы. Санитарный поезд действительно оказался на станции, но пришлось долго ругаться и доказывать невесть что, прежде чем эта тыловая сволочь согласилась принять наших раненых.

Подполковник Сорокин так и не пришел в сознание. Нас уже порадовали диагнозом: крупозное воспаление легких, его уложили на носилки, и он лежал, длинный, худой, темная отросшая борода торчала вверх, а мы все стояли рядом, надеясь, что командир откроет глаза. В конце концов, санитары самым невежливым образом отодвинули нас с поручиком Усвятским в сторону и втащили носилки в вагон. Поезд должен был скоро отправляться, и мы смогли лишь узнать, что раненых, вероятнее всего, отвезут в Карасубазар или в Симферополь.

В самом Мелитополе творилось что-то несусветное, впрочем, вполне знакомое. Город явно никто не собирался защищать, толпа штурмовала вокзал, а редкие колонны наиболее напуганных или наиболее смелых шли пешком на юг, навстречу морозу и махновцам. Прошел слух, что комиссары уже в Бердянске, толком же никто ничего не знал. Штабс-капитан Докутович, пробежав полдня, выяснил, что никого из старших командиров в городе нет, но скоро сюда должен прибыть генерал Андгуладзе, начдив 13, и мы отходим в его распоряжение. Мне, честно говоря, было все равно – генерала Андгуладзе я не знал, и с кем

защищать Мелитополь или драпать из того Мелитополя мне, как и, думаю, всем в отряде, было безразлично. Некоторый интерес представляло другое обстоятельство: собиралось ли командование вообще оборонять Крым? Этому штабс-капитану Докутовичу, само собой, никто не сообщил, и мы с ним, докуривая его пачку «Сальве», обсудили несколько возможностей.

Ежели Крым никто оборонять не собирается, то нас могут оставить прикрывать эвакуацию. В этом случае вопрос с нашим отрядом решался просто – и быстро. Я допустил компромиссную возможность: Яков Александрович мог повторить вариант 19-го года, когда он удержал Акмонайские позиции, не пустив красных в Керчь. Впрочем, и в этом случае нас, скорее всего, оставят в заслоне. Даже если предположить, что никто вообще ничего не прикажет, и войска будут эвакуироваться, так сказать, по возможности, то и тогда мы едва ли успеем пройти от Мелитополя до Феодосии, Керчи или Севастополя. В общем, спасти нас могло одно: приказ об обороне Крыма и кто-то способный эту оборону возглавить. Если это будет Яков Александрович, то какие-то шансы будут. В генерала Андгуладзе верилось слабо.

Впрочем, влияния на высокую стратегию мы оказать не могли, и надо было подумать о хлебе насущном. Тут выяснилось, что штабс-капитан Докутович еще раз превзошел самого себя. Уж не знаю, каким образом, но он сумел выбить у местного коменданта разрешение нашему отряду поселиться в мелитопольской мужской гимназии и даже поставить нас всех на довольствие. Последнее было буквально даром Божьим, поскольку продукты давно кончились, а прикупить даже самое необходимое возможности мы не имели. Наш отряд, как и все части в Таврии, не получал денежного довольствия уже второй месяц. В общем, это было уже что-то.

В гимназии все было разорено и разграблено, но в пустых классах обнаружилось несколько коек, на некоторых из них имелись (диво-дивное!) даже матрацы. В довершение всего, в некоторых классах оказались неплохо сработанные железные печки, оставшиеся, очевидно, от прежних постояльцев. Парт хватало, поэтому о дровах можно было какое-то время не беспокоиться.

Нижних чинов мы разместили в актовом зале, штабс-капитан Докутович занял директорский кабинет, где имелся ободранный, но все же еще пригодный диван, а офицеры получили по небольшому классу на каждую роту. Нам троим – поручику Усвятскому, поручику Голубу и мне – достался кабинет географии, который насквозь промерз, и вдобавок зиял выбитыми стеклами.

Поручик Усвятский и поручик Голуб рьяно взялись за наведение ежели не порядка, то какого-то подобия, а я, воспользовавшись служебным положением, упал на продавленную койку и мгновенно уснул, укрывшись поверх шинели содранной с окна портьерой. Перед тем, как уснуть, я успел отобрать у поручика Усвятского вот эту самую тетрадь с золотым обрезом и спрятать ее в вещмешок.

Следующие несколько дней мы, насколько я могу судить по записям в дневнике, отсыпались. Кормили нас еле-еле, железная печка грела скверно, но после всего на эти мелочи можно было не обращать внимания. Один раз мы, собрав все имевшиеся у нас денежные знаки – получилось, признаться, недурная коллекция от керенок до «колоколов» – направили поручика Голуба на здешнюю толкучку за самогоном. Поручик – самый подходящий для подобных операций человек благодаря блестящему знанию малороссийского наречия и опыту общения с глуховскими пейзажами. Вернувшись очень нескоро, он порадовал нас бутылью чего-то чудовищно сизого, с запахом чуть ли не карболки. Впрочем, поручик Усвятский, вспомнив свою химическую науку, провел визуальный анализ и дал добро, после чего мы продегустировали этот таврийский эквивалент «Смирновской», закусывая таранью, купленной на той же толкучке.

Все эти дни нас никто не трогал, и штабс-капитан Докутович совершенно напрасно бегал каждый день в комендатуру. Четвертого января, насколько можно верить моим записям, у нас в гимназии появились соседи – полсотни нижних чинов и десятков офицеров из 13-й дивизии. Таким образом, слухи о генерале Андгуладзе начали вроде бы подтверждаться, но полной ясности все еще не было. Офицеры сообщили, что в Бердянске уже красные, и что Мариуполь сдан. Екатеринослав, как выяснилось, отдали без боя еще 27 декабря. Впрочем, в 13-й дивизии считали, что командование твердо решило защищать Крым, и оборона будет поручена 3-му армейскому корпусу. А это значит, что оборону возьмет в свои руки Яков Александрович, что само по себе неплохо.

Все выяснилось 7 января. От этого дня у меня сохранилась подробная запись. Утром кто-то из наших соседей сообщил, что в город прибыл генерал Андгуладзе со своим штабом и расположился в помещении вокзала. Штабс-капитан Докутович тут же поспешил туда, но вскоре вернулся, рассказав, что к генералу его не пустили и велели к шести вечера всем офицерам собраться в зале ожидания. К этому штабс-капитан Докутович присовокупил, что якобы ожидается приезд Якова Александровича. Впрочем, все это были пока еще слухи.

К назначенному времени в зал ожидания набилась где-то сотня офицеров. Вид мы, признаться, имели весьма ободранный, и несколько подполковников и полковников из штаба 13-й дивизии сразу же стали заметны благодаря своим английским шинелям. Сам генерал Андгуладзе оказался пожилым толстяком с неаккуратными усами и мрачным выражением на типично восточном лице. В общем, «кавказский человек» с погонами генерал-лейтенанта. Ничего дельного мы от него не услышали, кроме приказа застегнуться и привести себя в порядок. Поваяло чем-то родным, чуть ли не школой вольноопределяющихся. Мы с поручиком Усвятским переглянулись и, расстегнув шинели – в зале успели надыхнуть – на лишней крючок, закурили невообразимый по крепости самосад, купленный все на той же местной толкучке. На нас покосились, но кто-то понимающе буркнул «сорокинцы» – и нас оставили в покое. Тут генерал Андгуладзе вскочил, дернул короткими ручками и трубным гласом возвестил: «Господа офицеры! Командующий!»

После такого заявления я ожидал, по меньшей мере, самого Антона Ивановича Деникина. Но Антон Иванович, естественно, не появился, а вместо него в зал, сдирая на ходу перчатки, почти вбежал Яков Александрович. Он бросил перчатки на стул, через секунду туда же полетела шинель вкупе с фуражкой. Яков Александрович одернул китель и достал портсигар.

Пока он закуривал, а вслед за ним и остальные, я решал нехитрую задачку о двух действиях. Прежде всего, какой бы Андгуладзе ни был «кавказский человек», но устав он знает и называть командира 3 армейского корпуса командующим зря не станет. Действие второе: выходит, Яков Александрович действительно назначен командующим войсками Таврии и Крыма, а значит, мы все-таки будем драться, а не бежать.

Выглядел Яков Александрович неважно и по сравнению с сентябрем, когда я его видел в последний раз, заметно сдал. Лицо было даже не бледным, а каким-то серым, вдобавок, как я заметил, у него все время дергалась щека. В общем, смотрелся он куда старше своих тридцати пяти. Что ж, мы все едва ли помолодели за эти идиллические месяцы. Но тик – тиком, а говорил Яков Александрович спокойно, не повышая голоса, в своей обычной чуть насмешливой манере. Говорил, правда, о вещах совсем не веселых.

Наши войска отступали по всему фронту. Основные силы, в том числе Добрармия, донцы, кубанцы и терцы, уходили на Кавказ. На нашем левом

фланге войска Шиллинга и Драгомирова отступали на Одессу и Николаев. В центре, то есть у нас в Таврии, образовалась стратегическая пустота, которую и пытался прикрыть 3 армейский корпус, срочно отводимый к крымским перешейкам. В Крым рвалась XIII армия красных под командованием господина-товарища Геккера. В авангарде господ большевиков шли уже знакомая нам эстонская дивизия и группа Павлова, между прочим, бывшего офицера лейб-гвардии Волынского полка. Этот Павлов прошлой осенью изрядно отличился под Орлом и теперь спешил за лаврами в Таврию.

А в Крыму обстановка была паршивая. Полуостров заполнили эвакуированные разного чина и звания. Забив порты, они требовали немедленного отплытия – куда угодно, лишь бы поскорее. Войскам несколько месяцев не выдавали жалованья, некоторые части окончательно разложились, перейдя на самообеспечение то есть, попросту к грабежам. Генерал Субботин, отвечающий за оборону, с положением явно не справлялся, а командующий флотом вице-адмирал Ненюков думал только об эвакуации. Ко всему прочему, поднимала голову большевизия в городах и зеленая сволочь в горах.

В этих-то условиях Яков Александрович брал не себя оборону полуострова. Он сообщил, что в его непосредственном распоряжении имеется около трех тысяч человек, но он надеется, что успеет подойти 34-я дивизия из-под Николаева, хотя ее положение сложное – уже сейчас она практически окружена. Мы все переходим в распоряжение генерала Андгуладзе и будем действовать согласно плану командующего. Последнее, естественно, не расшифровывалось.

Все это Яков Александрович изложил нам настолько спокойно, будто находился в учебной аудитории Пажеского Его Императорского Величества корпуса, где он до войны преподавал тактику. Да, преподавательская закваска неистребима, и я проникся чем-то вроде гордости за коллегу.

После Якова Александровича слово взял Андгуладзе, который, произнеся нечто похожее на «умрем-умрем», достал какую-то бумагу и начал читать. Это оказался приказ Якова Александровича от 31 декабря. В основном, он относился не к нам, фронтовикам, а к разного рода тыловой сволочи, которую командующий призывал принять человеческий вид и включиться в организацию обороны. Кое-что запомнилось дословно: «Пока берегитесь, а не послушаетесь – не упрекайте за преждевременную смерть». Это было правильно, но для нас в этом приказе самое большое значение имело то, что ему, то есть Якову Александровичу, приказано удержать Крым, и он это выполнит, во что бы то ни

стало. И не только попросит, но и заставит всех помочь ему.

Так и было сказано.

Когда все расходились, мне удалось протолкаться к Якову Александровичу, для чего, правда, пришлось изрядно пихнуть локтем одного полковника в английской шинели. Командующий меня узнал, мы поздоровались, и он, естественно, спросил о подполковнике Сорокине. Об этом, собственно, я и хотел ему рассказать. Он тут же понял в чем дело, кивнул и пообещал выяснить и, если требуется, оказать помощь. Потом он поинтересовался поручиком Голубом, которого, очевидно, запомнил по Волновахе. Я подозвал поручика, и мы втроем коротко побеседовали – к вящему неудовольствию столпившихся рядом штабных. Три бывших преподавателя. Так сказать, наследники Ушинского.

На следующее утро к нам в гимназию примчался вестовой из штаба, и мы тут же начали собираться. Генерал Андгуладзе приказывал эвакуироваться. Остатки нашего отряда поступали в его распоряжение и вместе с частями дивизии отходили на Таганаш, чтобы занять позиции между Мурза-Каяш и Сивашем. В тот же день мы уехали, и в моих записях следует перерыв вплоть до 13 января.

11 апреля.

Несколько дней ничего не писал, хотя произошло немало интересного. Прежде всего меня вызвали в штаб и назначили в ночной караул. Я, само собой, отказался. Конечно, это была дурная фронда, но тут, что называется, нашла коса на камень. Я твердо стоял на своем. Тогда меня взяли под белые ручки и повели к начальству. Я ожидал разбирательства с самим Фельдфебелем, но меня привели не к нему, а к генералу Ноги. Собственно, его фамилия Нога, но мы его сразу же переименовали в честь командующего японской армией под Артуром. Ноги усадил меня на раскладной металлический стул, угостил французской папиросой и повел душеспасительную беседу.

Душеспасительные беседы – его конек. Служба обязывает!

Он, Ноги, естественно, знает, кто я такой. Помнит о том, что контузию я получил в бою под Екатеринодаром, когда генерал Марков вел офицеров на последний приступ. Помнит и о том, что я был еще раз контужен под Волновахой, когда мы остановили Белаша, не пустив его к Таганрогу. Поэтому меня стараются

особенно не обременять мелочами службы и используют главным образом как преподавателя, то есть по довоенной специальности.

Тут меня подмывало сказать, что к «мелочам службы» меня не особо подпускают не только из филантропии, но и как человека, служившего с Яковом Александровичем. Особенно после известных нам событий последнего времени. И что еще после первой контузии под Горлицей, в 15-м году, меня хотели направить на комиссию, но я из дурной гордости отказался. Однако, я не сказал ни первого, ни второго, поскольку знал, чем занимается генерал Ноги при штабе. Все это (и многое-многое другое) ему, конечно, известно, так сказать, по долгу службы. А он между тем перешел на совершенно медовый тон и сообщил, что обстановка в лагере нездоровая, господа марковцы, алексеевцы и дроздовцы никак не могут поделить победные лавры, и что в эту ночь ожидается генеральное (или генеральское – уже не упомяну) побоище. Поэтому штаб старается опереться на наиболее преданных офицеров, к числу коих он, безусловно, относит нас с поручиком Усвятским.

Ну, как говорится, спасибо, уважил. Бедный поручик Усвятский! И он у них на карандаше!

Я наивно моргнул и тут же потребовал за ночное дежурство двое суток отпуска с правом съездить в Истанбул. Причем не в одиночку, а, естественно, с поручиком Усвятским, который уже ходил в ночное дежурство. Все это, разумеется, было несусветной наглостью, но генерал Ноги охотно согласился. Мне дали под начало двух прапорщиков из Корниловского полка и взвод нижних чинов, и всю ночь мы блюли наше Голое Поле. Никакого побоища, само собой, не случилось. Задержали троих в дрезину пьяных дроздовцев и какого-то капитана-марковца, тоже подшофе. Дроздовцев отпустили, а марковца, оказавшего сопротивление, отволокли куда следует. На этом наши подвиги и кончились, и на следующий день мы с поручиком Усвятским уже плыли на турецком катере в Царьград.

После мрачного Голого Поля Истанбул несколько оглушал. А вообще-то город приятный, веселый, несмотря на грязь и турецкую бестолковщину. Впрочем, сейчас в нем турок, наверное, меньше, чем господ союзничков и наших вояк. Когда мы высадились в Золотом Роге, поручик Усвятский припомнил, как наши российские интеллигенты от господина Леонтьева до профессора Милюкова мечтали о российском воинстве в стенах града Константина. И вот мечта сбылась: мы, российское воинство, дефилируем через ворота Царьграда,

подсчитывая при этом имеющиеся у нас лиры.

Между прочим, к русским здесь относятся не просто терпимо, а прямо-таки хорошо. Очевидно, турки чувствуют в нас собратьев по поражению. Господ союзничков они терпеть не могут, что, признаться, приятно.

Мы с поручиком Усвятским уже знали, куда нам идти, но вышло по-другому. Еще на катере к нам приклеились двое розовощеких юнкеров-константиновцев, уверявших, что они впервые едут в Истанбул, а посему наш долг состоит в том, чтобы показать юношам Второй Рим. Глаза их были настолько невинны и простодушны, что я сразу понял нехитрый фокус генерала Ноги. Ну что ж, такой вариант мы с поручиком Усвятским тоже предусмотрели.

Юношей сразу потянуло на знаменитый Истанбульский Крытый рынок, где можно купить чего угодно, а на известной среди нашего воинства узенькой улочке у самого рынка – и кого угодно. Но я решил молодых людей не баловать и организовать культурную программу. Сами виноваты, раз напросились! Истанбул я знаю не Бог весть как, но все же бывал здесь пару раз до войны, когда ездил к профессору Кулаковскому в Русский Археологический институт. Так что где находятся главные достопримечательности – представление имею.

Мы прогулялись к Айя-Софии, где константиновцам была прочитана мною целая лекция об истории этого и в самом деле великого храма; не забыл я процитировать им и соответствующее место из Нестора о визите сюда послов Святого Равноапостольного князя Владимира, взыскивавшего истинного Бога. Поручик Усвятский подхватил эстафету и долго объяснял любознательным юнкерам особенности изготовления здешних мозаик. Выслушав подробный рассказ о химическом составе смальты и добавлявшихся туда красителях, юноши приуныли. Но это было лишь самое начало. Мы прошествовали к Голубой Мечети, что дало мне хороший повод для ознакомления наших спутников с некоторыми аспектами истории Блистательной Порты. Далее нас ждал Дворец Топак-Хана. Я рассчитывал, что дворца будет достаточно и нас, наконец, оставят в покое. Но не тут-то было: очевидно, генерал Ноги шутить не любит, и молодые люди, затравленно переглянувшись, заявили, что им чрезвычайно интересно и они жаждут продолжения.

Ну что ж, Истанбул город большой. Мы направились по хорошо знакомым мне местам, к Русскому Археологическому институту. Меня и самого тянуло туда, хотя я и знал, что смотреть там, увы, уже нечего.

Мы постояли у огромных литых чугунных ворот, глядя сквозь них на заброшенное двухэтажное здание. Института уже не было: после вступления в войну турки устроили здесь погром, вывезя все, что имело ценность. Нашему посольству было не до этого, посол лишь поручил итальянцам присмотреть за уцелевшим имуществом. Но вскоре Италия тоже вступила в войну, и вся эта история заглохла. А жаль институт! Когда мы с поручиком Усвятским год назад беседовали в Севастополе с профессором Лепером, старик все сожалел, что не успел спасти хотя бы часть здешних коллекций. Впрочем, даже если бы имущество и успели вывезти, то через четыре года оно досталось бы комиссарам. Так что – всюду клин.

Юнкера не отставали, и мы, перемолвившись с поручиком, направились к Крытому рынку. Константиновцы повеселели, да и нам, честно говоря, стало интересно. Правда, время уже было вечернее и народу на рынке оставалось не так уж много, но поглядеть все же стоило. Побродив с часок, мы решили, что следует подкрепиться, и зашли в случившийся поблизости русский ресторанчик – один из тех, что выросли здесь в эту зиму, как грибы.

Деньги у нас имелись, хотя и немного (поручик недавно продал свой серебряный «Буре»), но вполне достаточно, чтобы позволить себе шикануть. Ясное дело, на столе блеснула бутылочка, затем другая, и тут наших юных друзей повело. Они это почуяли, начали что-то бормотать о необходимости закусывать, но, видать, плохо они знали поручика Усвятского. Вскоре один из них был уже хорош, но второй все же держался и уверял, что константиновца перепить невозможно.

Пора было действовать. Я помнил, что рядом имеется нечто вроде ночлежки, и договорился с поручиком Усвятским, чтобы завтра он ждал меня там в десять утра. Юнкеров он брал на себя, мне же предстояло исчезнуть, и желательно незаметно. В конце концов, генерал Ноги способен на многое, и за соседним столиком мог сидеть еще кто-то. А почему бы, собственно, и нет? Раз уж моя собственная персона их так интересует...

(Написал, перечитал – и усомнился. Откуда у господина Ноги столько сотрудников? Бог весть, может и любопытные вьюноши не имели в виду ничего дурного? Просто захотелось заскучившим константиновцам гульнуть как следует – вот и увязались. А с другой стороны, навидался я господ контрразведчиков. Дел у них на Голом Поле нет – вот и нашли себе дело. Бог весть!)

Впрочем, думать долго не пришлось. К нашему столику приблизилась некая юная особа, раскрашенная, словно вождь ирокезов, и начала что-то сбивчиво нам втолковывать. Сия жрица Астарты была уже изрядно подшофе, а посему изъяснялась она тоже по-ирокезски. Я подмигнул поручику Усвятского, тот понял – жутким голосом завел столь памятную нам по Албату песню про шарабан-американку и девчонку-шарлатанку. В общем, звените струны моей гитары, мы отступили из-под Самары. Юная особа обиделась, возмутилась, вспомнила про своего папашку-генерала, расстрелянного красными, но мне уже стало ясно, что нужный момент настал. Налив себе рюмку местного пойла, я взял ее под руку и с самым непринужденным видом направился к выходу. Один из юнкеров, тот, что покрепче, вспомнил, вероятно, приказ генерала Ноги и рванул следом, но поручик Усвятский был начеку и, перехватив сквернавца, предложил ему выпить за прекрасных дам. Мы тем временем благополучно удалились.

Оказавшись на улице, юная особа заявила, что деньги она берет вперед, и что все сие удовольствие будет стоить мне две лиры, а ежели до утра, то пять. Заодно посоветовала не ходить далеко и воспользоваться как раз той ночлежкой, где завтра меня должен ждать поручик Усвятский с непохмеленными юнкерами. Я отвел ее в сторону и достал из бумажника банкноту в десять лир. Как я и ожидал, этого было достаточно, чтобы она онемела, словно глушенная тротилом рыба. После чего настала очередь высказаться мне. Не люблю читать мораль, но вся эта дурацкая история со слезкой разозлила меня чрезвычайно. Прямо Совдепия какая-то!

Прежде всего я не отказал себе в удовольствии посетовать, что не являюсь братом моей новой знакомой, поскольку в этом случае мой долг был бы застрелить ее на месте. Но раз это не так, то лучше ей самой утопиться в Золотом Роге, поелику подобное купание все же приятнее, чем такая жизнь. Ну, а покуда она может заработать эти десять лир, ежели проводит меня на некую улицу, после чего забудет навсегда факт нашей встречи – иначе я ее все-таки пристрелю, даже не будучи ее родственником. Револьвера я доставать не стал, но девица, похоже, поверила мне на слово, и вскоре мы с ней уже шли в необходимом мне направлении. Всю дорогу она молчала, и я мысленно поблагодарил ее за подобную душевную чуткость.

На углу искомой улицы я вручил ей банкноту и велел убираться. А вот это уже был перебор, поскольку девица вдруг заплакала и спросила меня, что она мне сделала плохого. Вопрос был резонный, и я мысленно обругал себя трехэтажным

окопным загибом. Нашел на ком злость срывать, идиот! Пробормотав нечто вроде «ну, извини, девочка», я попытался вручить ей еще одну такую же банкноту. Деньги она, однако, не взяла, и я, несколько смущенный, оставил ее на месте и пошел искать нужный дом.

Турки, конечно, народ приятный, но номера на своих домах, увы, не вывешивают. К счастью, было еще не очень поздно, и я оказался у цели даже быстрее, чем предполагал. В искомом доме я провел часа три. Подробности визита покуда не стану доверять бумаге. Сейфа у меня нет и не будет, а наша белая палатка, подаренная американским Красным Крестом, слишком уж продувается всеми ветрами.

(Перечитал – и снова разозлился. Ну, точно Большевизия!)

Не могу не написать о дальнейших событиях истанбульской ночи, хотя это и не имеет никакого отношения ни к моему дневнику, ни к цели моего путешествия на эту небольшую истанбульскую улицу. Выйдя из дома (меня оставляли ночевать, но я не решился надоедать хозяевам), на совершенно пустой улице я заметил знакомую фигуру. Гимназистка седьмого класса дремала, усевшись на какое-то крыльцо и прислонившись спиной к высоким резным дверям, которыми славятся дома в старой части города.

Признаться, первая моя мысль была не из самых удачных. Но я тут же рассудил, что генерал Ноги все же не всесилен, и так глупо не будет вести себя ни один агент. Посему оставалась дилемма: разбудить девицу либо оставить ее у резных дверей. В конце концов то ли воспитание, то ли любопытство взяли верх, и я предпочел окликнуть ее и поинтересоваться, не меня ли она ждет. Оказалось, что все-таки меня.

Она явно протрезвела, а моя злость уже успела перегореть. В общем, я извинился – уже по настоящему, и мы познакомились.

Мы пошли куда-то в сторону Старых Казарм, время от времени перекуривая и переговариваясь о всякой всячине. Мою новую знакомую звали Татьяной, и она действительно училась в седьмом классе Ростовской гимназии, когда к Ростову подошла дивизия Азина, и ей с братом пришлось уезжать. Так что с гимназисткой я почти не ошибся, ошибся в другом: именно брат послал ее на панель. Впрочем, свое он успел получить: вот уж месяц как он пропал и, похоже,

пропал основательно. Здесь, в Истанбуле, это просто. Я рассказал кое-что о себе, причем как-то незаметно мы перешли на «вы», что сделало наш разговор и вовсе невеселым.

Затем мы свернули обратно и пошли к той самой ночлежке, где должен был ждать меня поручик Усвятский. На прощание она сказала фразу, которую не стоит ли записывать. Впрочем, запишу. Татьяна сказала: Мне Вас жалко, Владимир, вы скоро умрете». Я сделал вид, что сие меня весьма насмешило и, естественно, поинтересовался, почему? В ответ она заговорила что-то о моем лице, и тут я вспомнил об Ангеле. Неужели? Да нет, ерунда, право! Просто Татьяна не смогла простить мне тех пакостей, что я ей наговорил – и ответила.

Ну вот, пожалуй, и все наши истанбульские похождения. Следует лишь добавить, что утром на книжном развале мы с поручиком Усвятским приобрели пару книг, с которыми также вышла небольшая история.

Я дал прочесть эти странички поручику Усвятскому, который не преминул обидеться за низкую оценку своих вокальных способностей. По поводу остального он долго язвил, а затем вполне серьезно предложил мне заняться лечебной гимнастикой. Ну вот, и он туда же! К этому поручик добавил, что моя конспирация с неизвестной улицей может обмануть только меня самого, но уж никак не генерала Ноги. Ну ладно, пусть читают, кому интересно: той ночью я посетил квартал Везнеджилер, улица Де-Руни, дом N15/17, где в настоящее время проживает уволенный со службы без права ношения мундира бывший генерал-лейтенант бывшей Русской Армии Слащев-Крымский.

А вот о чем мы с Яковом Александровичем в ту ночь беседовали – это уж наше с ним дело.

12 апреля.

Пора, однако же, вернуться к дневнику. Итак, следующая запись относится к 13 января и сделана она под Ново-Алексеевкой.

Прежде всего о том, как мы там оказались.

Наш эшелон дошел только до Геническа, после чего нас задержали, и несколько дней мы торчали на станции, лоя доходившие до нас слухи. А слухи не

радовали. Красные уже заняли Мелитополь, их конница веером шла по Северной Таврии, опережая наши отступающие части. Особенно туго приходилось той самой 34-й дивизии, которая походным порядком двигалась от Николаева. 10 января, ежели верит моим записям, штабс-капитана Докутовича вызвали в штабной вагон, откуда он вернулся с вытянувшимся несколько лицом и сообщил, что отряд включают в группу какого-то капитана Мезерницкого и посылают под Сальково. Насколько он мог понять, Яков Александрович потребовал от генерала Андгуладзе часть его войск, а «кавказский человек» решил сберечь свою 13-ю дивизию, направив под Сальково приблудившиеся команды вроде нашей. Штабс-капитан Докутович был расстроен всерьез: он уже успел дать телеграмму в Карасубазар, и его супруга вот-вот должна была прибыть сюда. Мне проще – я никого не ждал, успел отоспаться и отогреться; да и капитан Мезерницкий все же лучше, чем неопределенность.

В Сальково мы попали в небольшой, но неплохо организованный Вавилон, где, кроме нас, оказался чеченский отряд, остатки Пинско-Волынского батальона, три бронепоезда и даже несколько танков. Туда же прибыл конвой штакора – сотня свирепого вида донских казаков, увешанных Георгиевскими крестами. Капитан Мезерницкий оказался начальником конвоя и довольно толковым офицером. Во всяком случае, отряд он собрал быстро, распорядился по-деловому, и когда к нам прибыл Яков Александрович, все уже было готово.

Командующий собрал нас и коротко объяснил суть дела. Красные заняли Ново-Алексеевку, собираясь устроить 34-й Канны. Наш отряд должен был их атаковать, по возможности потрепать и отвлечь внимание. Нас оставалось до смешного мало, едва ли больше батальона полного состава, но у нас были танки, бронепоезда и внезапность. Последнее имело особое значение, поскольку красные явно не ожидали сопротивления и перли в Крым, словно нас там уже не было.

Что ж, мы получили шанс доказать им обратное.

Это было дело! Впервые за несколько месяцев мы не бежали, а если и бежали, то не от врага, а ему навстречу. Атаковали утром, а к полудню Ново-Алексеевка была взята. Мне понравился этот бой – он был организован, можно сказать, поставлен, не просто хорошо, но даже с некоторым форсом. На рассвете взрели танки, загрохотали трехдюймовки с бронепоездов, затем завизжала и завопила конница, и краснопузые с неумытыми своими физиономиями вынуждены были спешно занимать оборону, тщетно гадая, откуда мы, такие

страшные, взялись.

А пушки все били, били часто и точно. Красным должен был особенно понравиться один из наших бронепоездов, на котором стояли не только трехдюймовки, но и кое-что получше – морские орудия большого калибра. Во всяком случае, когда мы поднялись в атаку, краснопузые практически не стреляли. Что-то, правда, время от времени гремело, но мы шли, как в 18-м, в полный рост, насвистывая «Белую акацию». Я лишний раз убедился, что свистит поручик Усвятский очень музыкально, а вот насчет его вокальных данных я придерживаюсь прежнего мнения.

Красные очухались только через несколько часов. Похоже, мы их здорово напугали, поскольку господа комиссары предпочли осторожно обкладывать нас, словно опасных зверей. Штабс-капитан Докутович, вернувшись из штаба, озабоченно сообщил, что нас отрезали от Геническа, что взято Рождественское, а значит, мы уже почти в кольце. Но почти – это всего лишь почти, тем более, к этому времени наша задача была выполнена – воспользовавшись переполохом, части 34-й дивизии проскользнули к Перекопу.

Мы погрузили танки на платформы и спокойно покатали обратно. Настроение было праздничное: задача выполнена, и выполнена красиво, да и потерь почти нет. Во всяком случае, наш маленький отряд не потерял ни одного человека. Правда, поручику Голубу какой-то красный Вильгельм Телль отстрелил погон, но мы на радостях почти простили ему эту выходку.

Ну вот, не дают работать! Поручик Усвятский привел своих комбатантов играть в преферанс и требует освободить стол. Это звучит настолько нагло, что приходится подчиниться.

13 апреля.

Вчера поручик Усвятский был в крупном выигрыше. Он почти всегда выигрывает, объясняя это преимуществом преферансной школы Харьковского технологического института перед школой игры провинциальных полковых бурбонов. К стыду своему – а может, и к гордости – я за все годы войны так и не научился играть в эту достойную игру. Правила, конечно, знаю, но играть – увольте. Да и довоенного опыта у меня нет. В те годы я играл главным образом в «кункен», нашу семейную игру, и время от времени в «шестьдесят шесть» – со

знакомыми дамами. Ну, а на фронте я, в основном, сражался в «шмен-де-фер» – оно как-то проще. Не всем же дано, право! Поручик Усвятский уточняет, что в особенности не дано лицам с историко-филологическим образованием. Не спорю. *Mea maxima culpa!*

Сегодня для поручика Усвятского еще один повод для хорошего настроения: наша знаменитая газета «Развей горе в Голом Поле» напечатала очередную главу о необычайных похождениях капитана Морозова и поручика Дроздова. Господа офицеры чудом избежали козней ВЧК, с чем я могу поздравить их лично, а также господ читателей и многоуважаемого автора. Жаль только, что газета наша выходит всего лишь в пяти экземплярах – это несколько препятствует победному шествию великого романа по белу свету.

Итак, после Ново-Александровки мы оказались в Армянске, но пробыли там недолго и уже через два дня, как следует из моих записей, вернулись под отеческую руку генерала Андгуладзе. Нас разместили на небольшом, брошенном татарами хуторе восточнее Мурза-Каяш, и мы вновь получили несколько дней передышки.

Стояли лютые морозы, но угля хватало, регулярно подвозилась какая-никакая провизия, а 18-го января – это следует отметить особо – нам выдали жалованье за все предыдущие месяцы. Здесь вышла любопытная история. Казначейства были, оказывается, эвакуированы в Крым заранее, но денег нам не платили, отговариваясь отсутствием необходимых документов. Спорить было бесполезно, да Яков Александрович и не стал этого делать. Он приказал деньги отобрать, сдать в Джанкойский банк и выплатить кому сколько следовало под ответственность командиров частей. Говорят, Антон Иванович Деникин за эту выплату лично объявил Якову Александровичу выговор в приказе. Удивлюсь, ежели это не так.

В общем, в хатах было натоплено, денег и харчей хватало, а к штабс-капитану Докутовичу приехала супруга, и он вкушал радости семейной жизни, поселившись отдельно от нас. Впрочем, делами отряда штабс-капитан занимался достаточно рьяно и даже потребовал от генерала Андгуладзе подкреплений. «Капказскому человеку» было, вероятно, не до нас, но он, дабы отвязаться, все же обещал при первой возможности направить в отряд свежее пополнение. Что ж, спасибо, как говорится, и на этом.

Вначале мы были уверены, что весь этот хуторской рай продлится очень недолго, и нас, дав слегка передохнуть, отправят в окопы куда-нибудь на Чонгар. Подобная перспектива, да еще в двадцатиградусный мороз, не могла радовать, но дни шли, мы все еще оставались на месте, и постепенно истинный замысел командующего становился мне ясным.

Ничего нового Яков Александрович не придумал. Он исходил из двух самоочевидных предпосылок: нападать лучше, чем обороняться, и тому, кто в тепле, лучше, чем замерзающему. Спорить тут не с чем, а на практике это выглядело так. Окопы на Перекопе пустовали – там мерзли лишь наблюдатели. Наши части стояли в полутора десятках верст южнее, и не в окопах, а в натопленных хатах северокрымских хуторов. Мы как бы приглашали господ большевиков войти в Крым, вдоволь померзнуть на заледенелых перешейках и, наконец, подползти на дистанцию нашего штыкового удара. И вот тогда уж извольте греться, господа!

Вскоре стало ясно, что красные не спешат. После Ново-Алексеевки их гинденбурги повели дело основательно, предпочитая, подождать, пока подтянутся основные силы. Ну что ж, это было нам на руку, и как раз в эти дни, пока краснопузые не топтались на месте, в наших степях замелькали железнодорожные петлицы: по приказу Якова Александровича в северном Крыму начали строить новую ветку от Джанкоя к Перекопу. Мы устраивались основательно, и постепенно даже у самых робких исчезли мысли об эвакуации.

Наконец, 22-го января отряд подняли по тревоге, и мы двинулись ускоренным маршем к Уйшуни. Вскоре выяснилось, что генерал Андгуладзе вновь посчитал нас крайними и по требованию Якова Александровича направил к нему лишь один из своих полков, зато усиленный несколькими бездомными отрядами. В Уйшуни мы не задержались и вскоре вместе с Донской конной бригадой генерала Морозова подошли к самому перешейку, остановившись всего лишь в трех верстах от Турецкого вала. Стало ясно, что дело вот-вот начнется.

Официально нам никто ничего не разъяснял, но офицеры Донской бригады, знали обстановку лучше прочих и поведали нам много нового. Прежде всего, у Турецкого вала уже стоят пять красных полков, в том числе два полка конницы; еще одна группировка нацеливается на Чонгар, дабы прорваться к нам в тыл. Но первую атаку мы ожидалась именно здесь. Так оно и вышло.

Итак, 23 января. Красные полезли на рассвете, и все утро у вала шел бой. Удивительно, но сотня замерзших за ночь офицеров и нижних чинов Славянского полка, стоявшая в боевом охранении, продержалась до полудня. Правда, их хорошо подкрепили четыре старых крепостных орудия, гремевшие, наверное, на весь Северный Крым. Мы не вмешивались и ждали.

После полудня остатки Славянского полка покатались к югу, и краснопузые стали втягиваться на перешеек, подставляя нам свой левый бок. Мы сидели в старых окопах на небольшом полуострове и, оцетинившись пулеметами, поджидали гостей. В этот день комиссары были настороже и повели себя в общем разумно, предпочтя прежде всего разобраться с нами. Они, однако же, не ожидали нарваться на поручика Голуба, который решил припомнить комиссарам свой отстреленный под Ново-Алексеевкой погон. Вышло это у него красиво. Его пулемет был несколько выдвинут вперед, в небольшом окопе, опутанном ржавой колючкой. Поручик подождал, пока краснопузые, словно бабуины, полезли на проволоку, и ударил в упор. Поручик Голуб никогда не стрелял, подобно Саше Михальчуку, долгими очередями, предпочитая, по малороссийской привычке, экономить каждый патрон. Зато не промахивался. Да и как промахнуться с десяти шагов! Красные это тут же оценили – резво сделали поворот «все вдруг» и помчались вприпрыжку назад, кроме, само собой, тех, что вороньем повисли на проволоке. Бежавших проводили мы с поручиком Усвятским – наши пулеметы стояли чуть правее и чуть левее.

Красные накатывались еще три раза. Под конец стало особенно горячо: они в свою очередь выставили несколько пулеметов, и у нас появились первые потери. Мой второй номер, белокурый унтер Коля Свиридов, ткнулся носом в бруствер окопа, затем мой пулемет заклинило, а подбежавший связной крикнул, что штабс-капитан Докутович ранен. Я оставил бесполезный «максим» и по ходу сообщения добрался до штабс-капитана, которому в этот момент перевязывали левую руку. Страшного ничего не было, если бы не мороз. Докутовичу помогли перебраться во вторую линию окопов, где мы заранее разожгли пару костров. Тем временем красные полезли вперед, и тут замолчал пулемет поручика Голуба. Я бросился туда и увидел, что его второй номер отползает в сторону, держась на живот, а поручик борется с пулеметной лентой, которая начинает опутывать его, словно Лаокоона. С лентой мы вдвоем разобрались быстро, я лег за второго номера, и бабуины вновь оказались отброшенными назад, тем более, что пулемет поручика Усвятского не смолкал ни на минуту. Я оглянулся. Наши соседи, Виленский полк, также успешно огрызались, краснопузые откатывались от полуострова, и пора было отбить у них охоту лезть сюда еще раз.

А в атаку мы пошли не спеша, чтоб не тратить зря силы на этом морозе. Но доблестная 46-я дивизия красных сочла, что уже получила свое, и штыкового боя не приняла. Мы постояли среди чистого поля, полюбовались зрелищем ретирады и вернулись в окопы.

После этого господа комиссары решили с нами больше не связываться и, оставив заслон, двинулись, но не обратно в Таврию, а напрямик на юг, к Армянску. Мы, таким образом, оказались в тылу, который с каждым часом становился все более глубоким.

Приближался вечер. Мы разожгли прямо в окопах несколько костров и, отогреваясь, ожидали дальнейших событий. План Якова Александровича вступал в решающую стадию: XIII армия красных втянулась в заледеневшие крымские степи навстречу наступающей тьме.

Ночь стояла превосходная, звездная, мороз трещал вовсю, и настроение было не хуже, чем под Ново-Алексеевкой. Прямо перед нами в чистом поле мерзли красные, и мы время от времени отбивали у них пулеметами охоту погреться у костров. Что творилось южнее, мы не имели понятия, но были уверены, что задумка Якова Александровича удалась. Так и случилось.

Лишь после боя мы узнали подробности всего сражения. Красные без боя заняли Армянск и двинулись к Уйшуни. Тут и застала их ночь. В мертвой и мерзлой северокрымской степи спрятаться от мороза было негде, да и костры из перекапти-поле грели плохо. Так же, как и речи комиссаров о мировой коммуни.

А между тем по Крыму шла великая паника. Вся штатская сволочь и тыловые крысы, узнав о падении Перекопа, бросились к причалам, началась погрузка на корабли, и даже сам Антон Иванович Деникин поспешил послать очередной выговор Якову Александровичу.

Приближался рассвет. Еще до первых лучей солнца мы услышали где-то на юге грохот канонады. Прикинув направление, мы поняли, что бой идет где-то возле Уйшуни. Так оно и было: красные, двинувшись вперед, попали под фланговый огонь артиллерии. Затем загрохотало посильнее – в бой, как стало известно позже, вступила 34-я дивизия, атаковавшая заледеневших большевичков по всему фронту. Пора было шевелиться и нам.

Штабс-капитан Докутович решил, несмотря на рану, лично возглавить атаку. Я вполне его понимал – это куда интереснее, чем скучать у костра во второй линии окопов. Тем временем наши соседи, Виленский полк, тоже оживились, но мы держали форс и вышли из окопов первыми. Они, впрочем, быстро нас догнали.

Шли молча, даже не сняв винтовки с плеч. С этим можно было не спешить, до красных оставалось еще несколько сот метров. Комиссары за ночь очумели (и замерзли!) настолько, что почти не стреляли. Хотя даже если бы и стреляли, это не очень им бы помогло. Итак, мы шли молча, и какой-то капитан Виленского полка, шедший слева, закричал нам вполне генеральским тоном: «Сорокинцы! Па-а-ачему без песни?!»

Сорокинцы в атаке поют. Это всем известно.

Замечание было дельным. Я посмотрел по сторонам. Обычно начинал Володя Огоновский, у него был сильный баритон... И тут недалеко кто-то запел, несильно, но чисто. Пел поручик Голуб. Мы подхватили, затем запели офицеры Виленского полка, и получилось очень неплохо даже без спевки. Надеюсь, красные успели получить удовольствие от нашего любимого романса, прежде чем штабс-капитан Докутович скомандовал «В штыки!», и мы перешли на быстрый шаг, выбирая себе каждый по мишени.

Бежали они быстро, даже быстрее, чем предыдущим днем. Боюсь, многие на таком морозе простудили себе легкие. Остается надеяться, что в их будущих хамских фалангстерах будет достаточно санаториев. С бесплатной воблой, само собой.

Итак, они драпали во все лопатки, и тут сзади нас послышался топот – это нагоняла нас конница Морозова. Мы пропустили их вперед и немного полюбовались, рубкой лозы в чистом поле. Морозовцы рубят красиво, так, чтобы не загружать большевистские санатории лишней работой. Тут оставалось перекурить и возвращаться к нашим кострам в траншею. Дело было сделано, морозовцы погнали красных героев на юг, навстречу штыкам 34-й дивизии.

К часу дня все было кончено, и несколько сот бабуинов без орудий, пулеметов и даже без винтовок пробежало мимо нас в обратном направлении. Мы просвистели им вслед, и на этом знаменитый теперь бой на перекопском перешейке завершился. Именно тогда весь Крым прочитал легендарную

телеграмму Якова Александровича: «Тыловая сволочь может слезать с чемоданов». Тыловая сволочь, конечно, обиделась, но с чемоданов слезла.

Вскоре мы вернулись обратно на наш хутор. Штабс-капитан Докутович несколько раз съездил на перевязку в Мурза-Каяш, но все обошлось, благо его супруга умела создавать необходимый комфорт в любых условиях. У нас радости были поскромнее: мы достали в Таганаше две бутылки spiritus vini, и поручик Усвятский, вспомнив студенческую молодость, приготовил превосходный настой на крымских травах. С удовольствием привел бы тут рецепт, но поручик Усвятский держит его при себе.

Все это было очень приятно, тем более, наступила оперативная пауза, то есть, вновь можно было отдыхать. Красные опять подползли к перешейку, но Перекоп не атаковали, вероятно, перечитывая в эти дни своего Маркса в поисках нужной рекомендации. Господин Маркс, однако, не мог подсказать им ничего более дельного, чем снова атаковать перешеек. В конце концов, они дважды полезли рогами вперед, но по рогам же и получили. Мы в этом деле не участвовали, 34-я дивизия вполне справлялась сама.

31 января я отметил в дневнике резкое похолодание. Мороз и так был хоть куда, но в тот день похолодало круто, мы старались не выходить из натопленных хат, а поручик Усвятский достал где-то гусяного жира и приставал ко всем, требуя, чтобы мазали этой пакостью лица. Впрочем, действительно помогало.

В эти дни произошла история, прямо связанная с похолоданием. Как-то, намазавшись гусяным жиром, мы втроем – я, поручик Усвятский и штабс-капитан Докутович – отправились в Мурза-Каяш. Штабс-капитану Докутовичу нужно было повидать генерала Андгуладзе, а мы решили составить ему компанию. В Мурза-Каяш мы нос к носу столкнулись с Яковом Александровичем, который как раз выходил из штаба. Мы поздоровались, и поручик Усвятский, никогда не отличавшийся особой скромностью, начал расспрашивать командующего о всякой всячине. Несмотря на мороз, Яков Александрович выглядел бодрым, куда лучше, чем в Мелитополе. Он все отшучивался, а затем предложил нам с поручиком покататься. Мы, ясное дело, согласились, предупредили штабс-капитана Докутовича, и, усевшись в подводу, поехали к Сивашу. На нашем хуторе мы позаимствовали еще одну подводу, нагрузили оба транспорта битым камнем и не спеша потрусили к морю. Заодно поручик Усвятский успел прихватить оставшуюся у нас бутылку настоя.

К Сивашу мы подъехали уже в сумерках, связали обе подводы и пустили их на лед. Тут надо сделать необходимую оговорку. Вообще-то льда на Сиваше не бывает. Не положено ему там быть из-за солености воды. Но то ли вода в эту зиму была не такая соленая, то ли мороз оказался уж очень силен, но мы благополучно прокатались полночи, время от времени пробуя настой из трав. Зрелище со стороны было, наверное, прелюбопытное: командующий обороной Крыма катается по Сивашу под заледеневшим небом, кругом степь, тьма египетская, только на севере, где стоят красные, время от времени в воздух взлетают сигнальные ракеты. Хорошо!

Катались мы долго. Яков Александрович все посмеивался, видно, был в хорошем настроении, и уверял нас, что завтра весь Крым заговорит о том, будто командующий упился до белой горячки и устроил катание с дамами прямо на льду. Ночь была длинная, и постепенно мы перешли на вечную для бывших студентов тему – о том, кто как списывал на экзаменах. Поручик Усвятский категорически заявил, что достиг в этом деле такой виртуозности, что берется списать на экзамене у любого из нас. Яков Александрович и я напроць отвергли подобное предположение. Но поручик Усвятский не успокаивался, и, в конце концов, все остались при своем мнении.

К утру мы вернулись на наш хутор и легли спать. Проснувшись, я убедился, что Яков Александрович оказался прав: слух о пьяном загуле с катанием по сивашскому льду уже разошелся по всей дивизии, а вскоре, как мы узнали, долетел чуть ли не до Парижа. Чтоб порадовать публику, мы через пару дней прокатились еще разок. Правда, настой уже кончился, но у Якова Александровича оказалась с собой бутылка коньяку.

Вот такие загулы были у нас в ту веселую зиму. Чудил Яков Александрович, чудил! Особенно если учесть, что Сиваш замерз, красные каждый день могли его форсировать, и командующему было совсем не безразлично, смогут ли они проташить по льду тяжелые орудия. А наши ночные катания на груженных телегах показали, что смогут. И теперь мы были настороже.

Тогда же Яков Александрович рассказал, что наш командир, подполковник Сорокин, все еще в госпитале. Вначале его привезли в Карасубазар, но там не нашлось нужных лекарств, и он был переправлен в Симферополь, где лекарств оказалось побольше, а медицинский состав поприличнее. Нам оставалось одно – надеяться на лучшее.

Поручик Усвятский выразил резкий протест по поводу рецепта травяного настоя. Он утверждает, что вовсе не держит его в секрете, но главное не в самом рецепте, а в технологии. А вот технологию могут освоить лишь те, кто слушал в Харьковском Императорском технологическом институте специальный курс, посвященный водочному и коньячному производству.

Что ж, вношу эту важную поправку.

14 апреля.

День сегодня прескверный. С утра похолодало, пошел мелкий противный дождик, палатки промокли, и на нашем Голом Поле стало совсем неуютно. Хорошо штабс-капитану Докутовичу! Он еще в январе поклонился Фельдфебелю, добился у него разрешения и снял поблизости, за холмами, небольшой домик, куда перевез из Истанбула семью. Что и говорить, комфорт он любит, и осуждать его за эту невинную слабость никто не собирается. Ничего, и в палатке жить можно: хоть она и мокнет, но – спасибо американскому красному Кресту – не протекает. Поручик Усвятский утверждает, что всякая крыша хороша, ежели не капает на карты, покуда идет преферансная баталия. С этим вполне можно согласиться.

Есть, правда, новость похуже. Утром мы узнали, что на дуэли убит поручик Сомов, марковец, участник Ледяного похода, очень приличный человек. Он поругался с каким-то алексеевцем из-за сущей ерунды – и вот вам, пожалуйста...

Дуэли – это выдумка Фельдфебеля. Личный состав, видите ли, должен сам поддерживать дисциплину, а заодно и тренироваться в стрельбе. Само собой, архаические дуэльные пистолеты здесь не достать, посему стреляемся на винтовках системы капитана Мосина. Удивительно, что не догадались использовать для этой благородной цели пулеметы и дуэлировать батальон на батальон. Тогда это вполне могло бы заменить маневры.

Я был среди тех, кто с самого начала протестовал против этой несусветной глупости, но Фельдфебель на наши протесты не реагировал. Мне даже намекнули, что мое недворянское происхождение мешает вникнуть в сущность благородной рыцарской традиции. Что верно, то верно, благородными предками похвастать не могу, происхождение имею офицерско-купеческое. Поручик Усвятский, не при нем будь сказано, вообще порода жеребьячья, да и не

припомню я среди своих сорокинцев ни одного столбового дворянина.

Но дело не в сорокинцах.

По-моему, мы сами клюнули на большевистскую пропаганду, уверяющую российского обывателя в том, что мы, белые, суть дворяне и капиталисты, и, стало быть, интересы дворян и капиталистов защищаем. Лестно, конечно, чувствовать себя дворянами, но, помилуйте, много ли среди нас голубой крови? Бог с нами, с обер-офицерами. Но даже ежели взять наших вождей: генерал Алексеев – из крестьян, Лавр Георгиевич – из простых казаков, генерал Андгуладзе – из крестьян Тифлисской губернии. По-моему, из тех, кто воевал у Чернецова и шел в Ледяной поход, настоящих дворян были единицы, да и тех, признаться, не припомню. О капиталистах, то есть «буржуях», и говорить не приходится: не было с нами ни Путилова, ни Рябушинского, ни нашего харьковского Жевержеева. В общем, нравится это кому-нибудь или нет, но тогда, в декабре 17-го, против большевиков поднялась самая обыкновенная российская интеллигенция, военная и штатская, надевшая шинели. Она и дралась все эти годы против симбирского дворянина господина Ульянова-Бланка.

Да, вспомнил, в белом движении участвовала семья князей Голицыных, но все три брата были расстреляны махновцами еще в 18-м и до нашей армии они даже не добрались.

Так что рыцарские традиции в Голом Поле – это ерунда, и ерунда вредная. Когда у нас у всех за плечами военная и личная катастрофа, когда каждую неделю кто-то пускает себе пулю в лоб, дуэли становятся узаконенным способом самоубийства.

Или – убийства.

Перечитал вчерашние записи и понял, что избрал несколько неверный тон. Тогда, после Перекопского боя, легко было крыть краснопузых и свистеть им вслед. Но теперь свист идет по другому адресу, и приходится быть поскромнее. Я имею в виду не только белое дело вообще, но и зимние бои 20-го в частности.

По чести говоря, мы не должны обвинять XIII армию красных и лично господина-товарища Геккера в стратегической и оперативной безграмотности. Прежде

всего, и я в этом абсолютно уверен, их толкали в спину. Господин Бронштейн спешил занять Крым, и в этом он был абсолютно прав. Красные к январю прошли от Тулы и Орла до Таврии, войска, само собой, устали, в тылу у них крутился Упырь, и после этого ждать от смертельно измотанных частей какого-либо чуда не приходилось. К тому же, они имели все основания надеяться, что три тысячи недобитых офицеров и нижних чинов на Перекопе и Чонгаре – это лишь заслон, необходимый для прикрытия эвакуации Крыма. Интересно, а какие основания были у них думать иначе? Генерал Шиллинг сдал Одессу, имея вдесятеро больше сил да еще союзный флот впридачу. О Добрармии на Кавказе я уже и не говорю. Вот они и сунулись. Да, железная воля и гений Якова Александровича сделали невозможное, но долго так продолжаться, ясное дело, не могло. Красные, подчеркну еще раз, воевать научились, что нам и пришлось почувствовать в самом скором времени.

Я написал о том, что красные научились воевать, и поневоле задумался. Пишу это уже не в первый раз, но следует, очевидно, объяснить подробнее. С самого начала мы воевали лучше с точки зрения тактической и оперативной. Попросту говоря, рядовой, унтер-офицерский и офицерский состав до командира полка у нас был подготовлен лучше. Чему тут удивляться, ежели в Ледяном походе штаб-офицеры шли рядовыми! С точки зрения большой стратегии обе стороны, признаться, воевали скверно. К 20-му году красные догнали нас в тактическом и оперативном отношении, а в стратегии и мы и они явно топтались на месте. Рискну забраться в самые ученые дебри, но, по-моему, беда была в том, что наши генералы, как и их так называемые «спецы», то есть, те же генералы, воевавшие за большевистский паек, не могли забыть опыт Германской войны с ее фронтом, тылом, базами снабжения и Земгором. Смута требовала совсем другого, и первыми это поняли не мы и не они, а такие Стеньки Разины, как Упырь. У него было все наоборот: ни фронта, ни тыла, база снабжения – впереди, ну а остальное – по Суворову. Так вот, Яков Александрович, хотя и разделал махновцев, как Бог черепаху, сам многому у них научился. И не только он, но и его офицеры, к числу которых рискну отнести и нас, сорокинцев, воевали теперь по-махновски. Зимой 20-го это нам очень помогало. Но и красные умели учиться, в том числе у того же Упыря.

Особенно это почувствовалось 12 февраля, когда нас подняли по тревоге. Мы долго стояли на большаке, но команды все не было, только где-то левее что-то грохотало и взрывалось. Наконец, штабс-капитан Докутович дозвонился в штаб и скомандовал отбой. Мы были уже не нужны. Красные под покровом ночи проскользнули с Чонгара и ворвались в Тюп-Джанкой. Прodelали они это вполне грамотно, разметав наши заслоны и обойдя укрепленные позиции. Правда,

особых потерь мы не понесли, в Тюп-Джанкое ничего серьезного у нас не стояло, но этот короткий и удачный рейд показал, что красные не потеряли присутствия духа. Части генерала Андгуладзе попытались перехватить их у самого Чонгара, но без всякого успеха.

На следующее утро повторилась та же история. Однако, на сей раз для нас все же нашлось дело. Красные ударили прямо вдоль железной дороги, смели прикрытие и атаковали Таганаш. Это было наглостью, за которую следует наказывать. На станции шел бой, а мы попытались захлопнуть капкан с севера. Капкан, откровенно говоря, вышел неудачный, красные вырвались, но с ободранными боками. Преследовать их мы не стали, поскольку справедливо ожидали за Чонгаром засаду.

После этих двух прямо скажем неудачных боев, генерал Андгуладзе созвал офицеров к себе в Мурза-Каяш. Мы ожидали выволочки, но вышло еще хуже. Генерал Андгуладзе надувал щеки, шевелил усами, но ругать нас не стал, поведав вместо этого немало грустного. Если верить моим записям, то речь шла прежде всего о двух вещах: о дисциплине в частях и о положении в тылу.

И то и другое не радовало. Месячное стояние на позициях, пусть даже в тепле, а не в ледяных окопах, сделало свое дело. Особенно скверно вели себя тыловики, посланные на позиции. Чеченцы генерала Ревизиша грабили все подряд, хотя, казалось бы, в этих степях грабить-то нечего. Они же и проспали налет красных на Тюп-Джанкой, потеряв ни за что ни про что два новых орудия. Командующий приказал их часть расформировать, но генерал Ревизин пожаловался лично Антону Ивановичу Деникину, и началась обычная в нашей армии склока.

В тылу было не лучше. Большевизия в городах действовала нагло, особенно портовые пролетарии в Севастополе и Феодосии. Наши собственные тылы вели себя так, словно все интенданты поголовно состояли в РКП(б). Дошло до того, что эти господа предпочитали сдавать целые склады имущества красным, как это случилось в Мелитополе и Александровске, но не выдавать частям теплую одежду и обувь. Для нас, первого эшелона, Яков Александрович теплую одежду просто экспроприировал, получив, естественно, очередной выговор от Антона Ивановича Деникина.

Все это было цветочками, а про ягодку генерал Андгуладзе поведал нам под конец. Ягодкой оказался капитан Орлов. Так мы впервые услышали о Николае (так и хочется написать «Nicola») Орлове, этом enfant terrible белого Крыма.

Не имеет особого смысла подробно писать об Орлове и орловщине – тема уже петая-перепетая, и мои личные впечатления много не добавят. Тем более, что куда Nicola бузил и требовал создания чего-то вроде белых Совдепов, мы воевали и относиться к этому могли лишь вполне однозначно. В тот самый день, когда мы отбивали краснопузых от Таганаша, Орлов вместе с императорским бастардом князем Романовским захватил Симферополь. Из-за этого, собственно, генерал Андгуладзе нас и собрал: мы должны были готовы сняться с позиций и идти ловить Орлова.

Ничего тут дивного, в общем, не было. За годы Смуты мы навидались всякого. Подобные Орловы встречались часто, причем по обе линии фронта. Ну хотя бы красный есаул Сорокин, однофамилец нашего командира, который в 18-м под Новороссийском вел себя еще более круто. Да и наш Андрюшка Шкура того же чекана. Удивительно другое – Орлов в Крыму был популярен. Ну ладно, юнкера и желторотые прапорщики, млевшие от призыва свергнуть генералов и взять власть в свои руки. Но отец Викентий, умнейший вроде человек! Тут уж только руками разведешь. Разве что наши господа генералы успели настолько скомпрометировать себя, что на их фоне Орлов оказался каким-то Робин Гудом.

Так или иначе, а положение было скверное. Орлов арестовал в Симферополе коменданта, губернатора и нескольких оказавшихся там генералов. Яков Александрович по телеграфу цыкнул на сквернавца, но тот не унимался, а наоборот, рассылал по всему Крыму депеши, где божился, что действует только по приказу командующего. В общем, будь Орлов даже агентом «чеки», он не мог бы действовать успешнее.

А вся беда была в ненадежности тыловых частей, по причине чего приходилось думать даже о временном оголении фронта. И это в те самые дни, когда господин-товарищ Геккер вел разведку боем и готовил что-то крупное.

После этого совещания мы впервые заговорили вслух о том, что дело швах. Как говорили на Германской, «вата». И все, ныне происходящее – только агония.

На следующий день стало известно, что Яков Александрович лично приехал в Симферополь, заставил освободить арестованных и принял капитуляцию у большей части орловцев. Но сам Nicola ушел в горы и объявил себя командующим войсками Крыма. Разбираться с ним было некогда – на фронте вновь стало худо.

15 февраля штабс-капитан Докутович вернулся из штаба весь белый, несмотря на мороз, и сообщил, что в дивизии начался тиф. У меня при этой вести опустились руки, поскольку я помнил, что такое тиф, еще в 18-м году, а в нашем отряде не было не только фельдшера, но даже медицинской сестры. Откровенно говоря, первая мысль была не из удачных: выйти на Сиваш и атаковать большевиков в полный рост. По крайней мере, это лучше, чем многодневная агония во вшах и грязи. Но я был не один, и уже через полтора часа мы вместе варили нечто черное и вонючее, чтобы гнать заразу. Поручик Усвятский уверял нас, что от этого состава вымрут не только тифозные вши, но и все большевики в округности двадцати верст.

Забегая вперед, отмечу, что нас Бог миловал. То ли черное варево подействовало, то ли внутренняя дезинфекция посредством *spiritus vini*, но наш хутор зараза обошла стороной. Но дивизии тиф стоил больше, чем все январские бои, а некоторым частям, особенно на Перекопе, пришлось еще хуже. Однако, тогда мы не знали самого для нас страшного: 28 февраля в симферопольском госпитале от тифа умер подполковник Николай Сергеевич Сорокин, наш командир, который вел нас от Ростова, которого щадил пули и которому не исполнилось еще тридцати пяти. Мы узнали об этом только в апреле. Николай Сергеевич уже поправлялся, когда в госпиталь занесли тиф. Ему хватило двух дней – ослабленный организм не мог сопротивляться.

А ведь если бы не Николай Сергеевич, я, может быть, и до сей поры мирно жил в России, то есть теперь в Совдепии, ходил бы на большевистскую службу и получал свою воблу. Тогда, в декабре 17-го, мы все съехались в Ростов, ожидая всеобщего восстания против большевиков, а все кончилось крахом, атаман Каледин застрелился, и началась паника. Не знаю, как я повел бы себя – война успела мне осточертеть, а гибель Чернецова, казалось, поставила точку в борьбе с красными. Но когда подполковник Сорокин сказал мне, что уходит с Лавром Георгиевичем, мои сомнения кончились. Я послушал своего бывшего батальонного, как слушал его под Ковелем и Стоходом. Теперь уж ничего не переиграешь, и, может быть, даже хорошо, что наш командир, подполковник Сорокин, кавалер орденов Св. Анны, Владимира и Георгия не дожил ни до Каховки, ни до Галлиполи. Бог избавил его от того, что пришлось увидеть нам. И еще придется увидеть.

Господа преферансисты просят внести важное, по их мнению, дополнение. Капитан Орлов, как им достоверно известно, расстрелян красными в декабре 20-го. Приятно слышать, конечно. Жаль, что «чека» не поставила рядышком к той

же стеночке Андрюшку Шкуру, Витьку Покровского и иных прочих. Большая бы получилась стеночка.

Длинная!

15 апреля.

Ну вот, не поминай «чеку» к ночи! Правда, красная «чека» до нас еще не добралась, а вот наша собственная уже тут как тут. В общем, опять скандал.

Сегодня утром пошел читать господам юнкерам лекцию о Балканской войне. Смурная, признаться была эта война, но поучительная. Прихожу – и застаю невиданный переполох. Юнкеров выстроили на плацу, начальник училища стоит весь зеленый, а рядом прохаживается Фельдфебель собственной персоной и рычит. Натурально этак порыкивает. Мне даже жутко стало.

Вслушался я и все понял. Оказывается, утром в палатках наших константиновцев устроили обыск – хороши нравы, однако! – и обнаружили кое-что из запрещенного. Добро б еще господина Маркса или Ульянова-Бланка. Увы, тут случай похуже: нашли брошюру Якова Александровича. Ее, понятно, все наше Голое Поле читает. Но нельзя. Лично Фельдфебель запретил. Отсюда и форс-мажор.

Дело на том не кончилось. Пока я любовался этой сценой, кто-то аккуратно взял меня под локоток. Обернувшись, я узрел генерала Ноги. Пару минут мы простояли в трогательной близости, причем мой локоть он выпускать не собирался. Наконец, он предложил пройти в штаб. Побеседовать по душам, так сказать.

Разговор наш был весьма скучен и неоригинален. Генерал посетовал, что отдельные преподаватели неверно освещают ряд эпизодов нашей великой войны. Я охотно согласился и напомнил, что Германскую и Смуту юнкерам читает полковник Юрьев, с него и спрос. На это последовали вздох и замечание мимоходом, что курс читает Юрьев, но слушатели задают вопросы не только ему, но и другим преподавателям. Задают вопросы и получают ответы. С этим я также согласился.

Генерал вздохнул еще раз и вновь посетовал, что нервы офицеров за эту зиму совсем разболтались, и возможно всякое. Ну, скажем, случайный выстрел в сослуживца, который ведет себя вызывающе по отношению к истинным героям Белого дела. И вносит смятение в наши стройные ряды.

Мне очень захотелось спросить, кого это он, сволочь этакая, пугать вздумал? Я и спросил. На «сволочь» он никак не отреагировал, даже не покраснел, пояснив, что покуда никого не пугает, а лишь предупреждает. На это мне осталось напомнить, что он имеет полное право послать мне вызов, и с тем откланяться.

Вызова никто мне не прислал, зато через пару часов к нам в палатку нагрянул генерал Туркул. Наши соседи-дроздовцы вытянулись свечками и побледнели: свою дивизию генерал держит крепко. Он на них и не поглядел, выслал прочь движением бровей и приступил ко мне.

Антон Васильевича Туркула я знаю еще с 18-го, мы с ним давно на «ты», а посему я усадил его на койку, налил чаю и поинтересовался, что, собственно, случилось. Туркул, в общем, славный офицер, в мадридские интриги никогда не играет, а посему разговаривать с ним всегда легко. И на этот раз Антон Васильевич не стал ходить вокруг да около, а сразу брякнул, что сегодня была большая буча, двух юнкеров хотят разжаловать, а меня – отстранить от преподавания. Я на это лишь пожал плечами. Далее Туркул перешел на громкий шепот и сообщил, что кто-то настраивает его офицеров против сорокинцев, и дело пахнет чуть ли не дуэлью. Но он, генерал Туркул, категорически запретил своим «дроздам» вызывать кого-либо из сорокинцев на дуэль без его разрешения, тем более, сорокинцев в Дроздовской дивизии всегда уважали. И он лично помнит Николая Сергеевича Сорокина, о котором Михаил Гордеевич Дроздовский всегда был самого высокого мнения.

Я поблагодарил его, и счел было разговор исчерпанным, но далее последовало самое интересное. Туркул, оказывается, уже прослышал о моих скромных литературных опытах. И он их всячески приветствует. Вместе с тем он, командир дроздовцев, опасается, что в моей истории роль дроздовской дивизии не будет оценена должным образом. Он понимает, как велико было значение 3-го корпуса в защите Крыма, но я должен признать, что только прибытие из Новороссийска частей Добрармии, в том числе легендарной Дроздовской дивизии, позволило весной 20-го спасти Крым.

Я успокоил его, сказав, что пишу не историю войны и даже не историю отряда подполковника Сорокина, а всего лишь привожу в порядок свои дневники. Когда же речь пойдет о дроздовцах, я специально приглашу его поделиться воспоминаниями. Туркул охотно согласился и прошептал, что и сам собирается написать историю своей дивизии. И назовет он сей труд «Дроздовцы в огне». Я сказал, что это звучит гениально, после чего Туркул расцвел и, похоже, готов был меня обнять. К счастью, однако, обошлось без этого.

Генерал Туркул высказал то, в чем уверена почти вся Добрармия, особенно ее офицерство. Они готовы признать – сквозь зубы – роль Якова Александровича в зимней кампании, но утверждают, что красные все равно прорвались бы в Крым, ежели бы не части, прибывшие из Новороссийска. Не буду пока делать глобальных выводов, но к концу февраля обстановка выглядела следующим образом.

Красные явно готовились к новому удару. Господин-товарищ Геккер и его бывшее благородие товарищ Павлов полностью подтянули свои войска к перешейкам. В воздухе загудело. Красные аэропланы – впервые на моей памяти – появились в крымском небе. Прошел слух, что комиссары назначили наступление на конец февраля, в годовщину февральского переворота.

Нам, между тем, приходилось нелегко. Тиф косил наши части, в тылу пиратствовал Орлов, успевший захватить и разграбить Ялту, а Добрармия все еще топталась на Кавказе, не дав нам к этому времени ни одного человека. (Это нечто вроде ответа генералу Туркулу.) Антон Иванович Деникин задерживал войска в Новороссийске, надеясь, вероятно, на то, что красным надоест его преследовать, и они повернут обратно. Как известно, вышло по-иному.

Всю вторую половину февраля мы просидели на нашем хуторе. Мои записи, относящиеся к этому времени, очень коротки и однообразны. Честно говоря, особой охоты писать не было. Вокруг свирепствовал тиф, мы окуривали наши хаты трижды в день и пропахли этой черной дрянью настолько, что вполне могли сойти за студентов-химиков. Вдобавок, красные наглели с каждым днем и начинали постреливать через Сиваш из дальнобойных. Потерь у нас не было, но на нервы действовало чрезвычайно.

Нижние чины держались угрюмо. Мы знали друг друга давно, несколько месяцев, а на войне это очень много – посему разговаривали при случае вполне откровенно. В основном, это были мобилизованные из Таврии и Донбасса, и

теперь они вполне резонно спрашивали нас, офицеров, о перспективах. Но я мог ответить лишь то, что единственный наш шанс уцелеть – это отстоять Крым или, по крайней мере, организованно эвакуироваться. Перебегать к краснопузым смысла не было – зимние бои озлили комиссаров до последней степени, и едва ли они будут разбираться в каждом конкретном случае. Их пропаганда давно уже объявила Якова Александровича исчадием ада, и всем нам рассчитывать на их милость бесполезно. Особенно бывшим пленным – не забывал каждый раз добавить я, поскольку среди нижних чинов были и такие.

Со мной не спорили: что такое «чека», знали все.

Офицерам тоже было невесело. В глубине души мы понимали, что ежели нижним чинам может все-таки выйти послабление, то с нами, сорокинцами, у красных разговор и вправду будет коротким. А ведь наши семьи оставались там, в Совдепии. Даже штабс-капитан Докутович, который успел-таки вывезти супругу и детей, волновался за родителей, оставшихся в Курске. А что было делать остальным? Поручик Усвятский держался, однако, молодцом, а вот поручик Голуб захандрил всерьез. Он всегда был молчуном, только петь раньше любил, особенно в компании. Теперь было не до песен, поручик замкнулся, почти не выходил из хаты и перестал реагировать даже на приказы штабс-капитана Докутовича, доводя того до белого каления. Меня он еще слушался, но было ясно, что дело худо. Я даже не пытался расшевелить его: такая хандра либо проходит после первого боя, либо... Либо эта та самая, последняя хандра, которую я видел уже у многих.

А между тем приближался конец февраля, мы ждали 28-е число, будучи уверенными, что господин-товарищ Геккер отметит свой хамский юбилей броском через Сиваш. Обычно такие предчувствия сбываются, но тут вышло по-другому. Возможно, комиссары и вправду готовили нечто подобное, но перед самым 28-м задул ветер, над Сивашем встал туман, а на следующее утро стало ясно, что на дворе весна. Ранняя крымская оттепель за одни сутки превратила ледяной панцирь Сиваша в мокрую кашу, и мы оказались в грязевой осаде: на наш хутор из Мурза-Каяш было не добраться даже на волах.

Мы сняли полушубки и вновь надели наши старые шинели. Бог весть отчего, но эта оттепель нас взбодрила. Наверное, потому, что весна – наше время. Весной мы всегда наступали. Вот для краснопузых самое время – осень. И зима. Правда, эта зима в Крыму кончилась для нас не самым страшным образом, но в целом, они вновь выиграли. И если б не причуды крымского климата, то лед и мороз,

помогавшие нам в январе, теперь пришли бы на помощь господам красноиндейцам. Но не вышло. Как говорил генерал Марков, значит, не фарт.

Красные притихли, и мы получили такую нужную нам передышку. С Кавказа помощи все не было (это я специально для генерала Туркула), но Яков Александрович провел сплошную мобилизацию, вымел метлой все тылы и бросил на передовую. Даже Стенька-Орлов – и тот оказался со своим отрядом на фронте, правда, забегу вперед, чтобы удрать при первых же выстрелах. А 2 марта штабс-капитан Докутович укатил по чуток уже просохшей дороге в Мурза-Каяш и ближе к вечеру вернулся с целым воинством. Генерал Андгуладзе вспомнил-таки свое обещание и прислал нам аж двести человек подкрепления. Из усиленного взвода наш отряд превратился в батальон, хотя и не полного состава.

Пополнение долго топталось на хуторском майдане, сбивая грязь с сапог, а мы со штабс-капитаном Докутовичем держали совет. Собственно, дело было ясное: мы воссоздавали наши две роты, вопрос состоял лишь в том, кому командовать первой. Вторая рота, само собой, оставалась у меня. Я предложил назначить ротным поручика Усвятского, но штабс-капитан Докутович скривился, пробурчал, что мой поручик и взводом-то толком не имел времени покомандовать, и, наконец, заявил, что первой ротой будет командовать сам. Я лишь пожал плечами. Штабс-капитан Докутович, похоже, все еще чувствовал себя ротным, а не командиром отряда.

Мы разделили нижних чинов поровну, и я приказал поручику Усвятскому отконвоировать наше пополнение к старым овечьим сараям, где мы намеривались их разместить. Мороза уже не было, а спать можно и на сене.

Пока моя рота шлепала по грязи, а поручик Усвятский бодро покрикивал «Ножку! Ножку! Ать-два!», я направился к штабс-капитану Докутовичу. Дело в том, что с пополнением прибыли четверо офицеров, и было далеко не безразлично, кого из них направят ко мне.

Впрочем, все уже решили без меня. Двух крепких молодцов, одного поручика и одного подпоручика, Докутович забрал себе, а мне оставил двух невысоких прапорщиков, первого – белокурого, а второго – чернявого и черноглазого, совершенно цыганского вида. Я козырнул и представился. Они тоже. Услышав фамилии, я вздрогнул: белокурого звали Геренис, а чернявого – Немно; однако молодые люди улыбнулись, и я сразу почувствовал к ним симпатию. Я

прапорщиков в пустую хату и велел устраиваться.

Тем временем пора было заняться пополнением вплотную. В сараях кипела работа: под чутким оком поручика Усвятского вновь прибывшие приводили свои жилища в божеский вид. Я отозвал поручика в сторону, и мы накоротке поговорили.

Нам повезло: из сотни сорок человек оказались юнкерами. Они отбились от своих училищ и сами попросились на фронт. Юнкера, да еще добровольцы – это, действительно, подарок. Было еще два десятка добровольцев, но, в основном, желторотые гимназисты старших классов и учащиеся высших начальных училищ. Ну, этих можно было еще подтянуть, а вот на остальных не стоило даже смотреть: от них за три версты несло красным духом. Так оно и оказалось: это были доблестные красноармейцы не менее доблестной 46-й дивизии Рачьей и Собачьей Красной Армии. Конечно, правильнее всего было бы из этих господ образовать специальный взвод смертников для посылки на вражеские пулеметы, но не всегда правильные решения осуществимы. Пришлось всех разбросать по трем взводам равномерно. Первый взвод шел под начало поручика Голуба, второй и третий получали вновь прибывшие прапорщики, поручик Усвятский оставался моим заместителем. Правда, опять забегу вперед, все следующие дни первым взводом занимался поручик Усвятский – поручик Голуб по-прежнему хандрил и трогать его было бессмысленно.

Выстроив у сарая юнкеров и гимназистов, я смотрел на этих симпатичных молодых людей и думал, как все-таки жестоко – бросать в бой тех, кому нет и двадцати. Да еще и в самые последние месяцы проигранной войны. Но я тут же одернул себя: мы с поручиком Усвятским тоже не были стариками, когда пошли добровольцами на Германскую. И юнкера-сорокинцы, атаковавшие Екатеринодар в 18-м, были не старше. И те, кто защищал от красной сволочи Кремль в те страшные дни Смуты. Просто – настал час и для них.

Юнкера разглядывали меня с явным интересом. Я подумал, что неугомонный поручик Усвятский уже расписал мои подлинные и мнимые заслуги. Герой Горлицы, Брусиловского прорыва, Стохода. Орден Св. Владимира с мечами и бантами. Чернецовец. Участник Ледяного похода. Герой Волновахи.

Я не помню точно, что говорил тогда этим молодым людям. Кажется, я начал с того, что теперь они – сорокинцы. Это будут знать и свои, и чужие. И если для своих это честь, то для врагов – это тоже честь. Сорокинцев, как и дроздовцев,

красные в плен не берут. И те, кто сумеет получить офицерские погоны, может этими погонами по праву гордиться. Затем я сказал, кажется, о том, что бои начнутся скоро, и от этих боев зависит все. Ни одна армия не будет побеждена, если найдутся еще солдаты и офицеры, не чувствующие себя побежденными. Сорокинцы еще никем не были разбиты. Многих смогли убить, но отряд по-прежнему жив, и теперь они – отряд подполковника Сорокина. И я рассказал им о Николае Сергеевиче.

Их вопросы касались, в основном, двух тем: можно ли им отращивать теперь бороды и просьба рассказать подробнее о себе. Я понял, что поручик Усвятский успел-таки изобразить меня былинным богатырем, и мне стало немного совестно. Бороды я разрешил, а автобиографию обещал рассказать позже. В подходящее для этого время.

Отпустив юнкеров и гимназистов, я выстроил господ бывших краснопузых и велел побеседовать с ними поручику Усвятскому. Слушать я не стал – поручик говорить с подобной публикой умеет. Уже уходя, я смог разобрать, как он объясняет «красной сволочи», где и как мы ставим пулеметы, чтобы стрелять по тем, кто повернет в бою назад. Дальше должны были следовать рассуждения о «чеке», но их я уже не расслышал.

Нет, конечно, лишних пулеметов для этих целей у нас не было, но подобная педагогика была не бесполезна. Особенно поначалу.

Итак, мы занялись пополнением. Юнкера, да и краснопузые уже чего-то умели, с гимназистами же было похуже. Но не прошло и трех дней, как штабс-капитан Дукутович имел все основания доложить в штаб, что отряд Сорокина готов к бою. И вовремя.

На рассвете 8 марта нас разбудила канонада. Били где-то рядом. К счастью, красные батареи нацелились главным образом на Мурза-Каяш, и у нас оставалось время наскоро одеться и собрать вещмешки. Я приказал брать все имущество с собою – чувствовалось, что на хутор мы уже не вернемся.

Мы шли, увязая в грязи к Мурза-Каяш, а рядом гремело, за Сивашем взлетали красные ракеты, и становилось ясно, что это не очередной налет, а именно то самое – то самое, что господа-товарищи Геккер и Павлов готовили все эти недели. И не ошиблись: именно так для нас началось Уйшунское сражение –

пятидневный бой, решивший судьбу Крыма.

Поручик Усвятский требует внести поправку. Господ красноармейцев он именовал не «красной сволочью», а несколько иначе. Все-таки оставлю первоначальный вариант, дабы не испепелилась бумага.

16 апреля.

Круги вчерашнего скандала продолжают расходиться все шире по нашему болоту. Сегодня Фельдфебель отменил занятия и устроил всеобщее игрище, выгнав в поле всех, включая писарей и больных. Было велено отрабатывать штыковой бой. Мы с поручиком Усвятским мирно курили, поглядывая на всю эту свистопляску, когда на меня налетел генерал Туркул и потребовал, чтобы я показал молодежи, что такое фехтование на штыках. Я завел привычную шарманку про три контузии. Тогда он зловеще рассмеялся и лично вызвал меня на бой. Генерал Туркул – мастер ходить в штыковую, посему вокруг нас тут же образовался кружок любопытных. Я заявил, что невелика честь заколоть инвалида, мы сменили боевые штыки на деревянные и, отогнав публику подальше, стали друг против друга. Туркул ниже меня ростом, зато гибок, быстр, да и здоровья побольше. Но горяч, а это не всегда к месту.

Я сразу же кольнул его два раза, в плечо и в бок, он рассвирепел, поднырнул под мой штык и попал мне прямо в сердце, одновременно сам получив укол в живот. В общем, вышло у нас, как у Пересвета с Челубеем. Публика взревела. Туркул потребовал реванша, и тут внезапно все стихло. Мы поневоле оглянулись и узрели его превосходительство Фельдфебеля, хмуро взирающего на нашу потеху. Фельдфебель что-то скомандовал, и десяток юнкеров, примкнув деревянные штыки, стали окружать нас с Туркулом. Сообразив в чем дело, мы с генералом стали спина к спине, рядом с нами бок о бок стали поручик Усвятский и какой-то капитан-дроздовец, и наша четверка встретила юнкерскую атаку по всем правилам. Когда дерешься спина к спине, главное – не увлечься и не подставить противнику бок. Но мы все ученые. Было время учиться.

Первую атаку отбили вчистую, Фельдфебель зарычал, и юнкеров сменили офицеры-алексеевцы. Эта публика была покруче, правда, мы их дважды отбили, но поручик Усвятский сделал-таки лишний шаг и получил укол в бок, а капитан-дроздовец – целых два. Тут уж и сам Фельдфебель не выдержал, вырвал у кого-то винтовку и устремился прямо на меня. Ну, с Фельдфебелем шутки плохи – в бою он сущий носорог. Я ткнул его в плечо, но он довольно ловко отбросил мою

винтовку, и через мгновение его штык оказался у самого моего горла. Мне еще повезло, что реакция у Фельдфебеля отличная, и он вовремя задержал винтовку. Штык, конечно, учебный, деревянный, но ежели им хорошо ткнуть, да еще в горло... Туркула, кстати, тоже прикололи, правда, сразу трое.

Я не выдержал, отвел Фельдфебеля в сторону и потребовал показать мне его прием. Фельдфебель не стал ломаться и тут же продемонстрировал. Да, неплохо! Это он умеет.

Кончилось это тем, что Фельдфебель всех нас выстроил и произнес целую речь, помянув Ледяной поход, наши штыковые и то, что пуля, как известно, дура, а штык – молодец. Я вспомнил Каховку, танковые атаки, бомбежку с аэропланов, но естественно, смолчал. Генерала Туркула и меня Фельдфебель выделил особо, назвав образцовыми офицерами и мастерами, а также пообещал отметить нас в приказе. Я похолодел: не хватало мне еще стать инструктором штыкового боя. Затем Фельдфебель величественно удалился, а мы с поручиком Усвятским вновь мирно уселись на бугорке и закурили.

После игрища мы вернулись в лагерь и обнаружили, что в нашей палатке все перевернуто вверх дном. Искали от души – матрацы – и те оказались вспороты. Я предоставил нашим соседям-дроздовцам идти в штаб и скандалить, а сам отвел поручика Усвятского в сторону и стал держать совет. Ясно, что «дрозды» ни при чем. Генерал Ноги – человек, видать, обидчивый и это, похоже, только цветочки. Правда, тут тоже не дураки живут, и свой дневник, а также рукопись я, отправляясь на учение, сунул в полевую сумку. Но в следующий раз они доберутся и до полевой сумки, и следовало что-то придумать. Поручик Усвятский предположил, что наши юные друзья-константиновцы, хотя и были с похмелья, но успели заметить, какие именно книги мы купили тогда в Истанбуле. Ну, за эти книги я был спокоен: в палатке их, понятное дело, нет. В общем, прикинув то и это, я взял все уже мной написанное и отнес к генералу Туркулу. Тот долго крыл генерала Ноги, а потом положил мою рукопись в дивизионный сейф. У сейфа круглые сутки стоит караул, так что тут можно быть спокойным. Поручик Усвятский несколько волновался за рукопись своего великого романа про господ офицеров, но я успокоил его. Роман и его автор слишком популярны на нашем Голом Поле, чтобы генерал Ноги решился на похищение. Не сладить генералу с нашим Жюлем Верном!

Итак, Уйшунский бой. В эти дни мне было не до летописания, и в моем дневнике сохранилось буквально несколько строчек. Впрочем, главное я помню и так. Да и

неглавное тоже – такое забыть невозможно.

Подходя к Мурза-Каяш, мы увидели зарево. Хутор горел. Мы ускорили шаг. И тут над головами заурчало, и в воздухе появились два «Ньюпора». Я было обрадовался, подумав, что это наши из Качинского авиоотряда, но аэропланы пошли на снижение, и прямо на нас посыпались бомбы. Я лишь успел гаркнуть «Ложись!», и мы попадали в грязь. Аэропланы уже заходили на новый вираж, но тут не растерялся поручик Голуб и ударил из пулемета. Мы немного пришли в себя и взялись за винтовки. Не знаю, удалось ли нам попасть хотя бы разок, но наша стрельба господам красным авиаторам явно не понравилась, и они повернули назад, напоследок сбросив бомбы на горящий хутор. Штабс-капитан Докутович командовал, и мы, грязные, как черти, побежали мимо пылающих хат к броду.

У брода все смешалось. Красные были уже там, выдвинув вперед несколько тачанок, под прикрытием которых они теснили батальон 13-й дивизии. Наступали они грамотно, не спеша, где надо – пригибаясь, а где надо – в полный рост. Они уже выбили наших из первой линии окопов и, выстраиваясь в широкую цепь, начинали прижимать батальон прямо к горящему хутору. Так что подоспели мы вовремя. Разворачивать пулеметы было некогда, штабс-капитан Докутович командовал: «В штыки!», и наш отряд рванулся вперед. Дело было привычное, но я боялся за пополнение: штыковой бой – достаточно крутое испытание для начинающих. Но юнкера держались молодцами, да и господа бывшие краснопузые, памятуя, очевидно, о мифическом пулемете за их затылками, не отставали. Я выделил для себя плюгавого господина в черной кожанке – вероятно, комиссара, который размахивал наганом и что-то орал, не иначе цитировал господина Маркса.

Он заметил меня и успел навести мне в лоб наган, но большего я ему не позволил: штык вонзился между ребер, что-то хрустнуло, я вырвал штык и ткнул его еще раз в живот. Господин в кожанке дернулся, его очки в железной оправе медленно сползли с носа, но меня комиссар больше не интересовал. Какой-то красноиндеец пропорол мне рукав, я отскочил и двинул его прикладом. Пока он пытался сообразить, больно ему или не очень, я ткнул его штыком под сердце, избавив от всех неприятных ощущений сразу. Тем временем наконец-то ударили наши пулеметы, и краснопузые попятнулись к броду. Мы бросились за ними, захватили одну из тачанок и заставили их улепетывать с несколько большей скоростью, чем им бы хотелось. В общем, отбились.

Вернувшись на берег, мы сели прямо на песок и закурили, не обращая внимания на появившегося откуда-то генерала Андгуладзе. «Капказский человек» кричал, чтобы мы заняли окопы, но в грязь лезть не хотелось, тем более вид у нас и так был, как у кухаркиных детей. Вдобавок, увлекшись, так сказать, гоном, я забежал слишком далеко в Сиваш и зачерпнул левым сапогом ледяного рассола. Искать сменные портянки было некогда и я, выкрутив имевшуюся, направился (что поделаешь!), чертыхаясь на чем свет стоит, загонять роту в окопы.

Нас поместили на левом фланге – вероятно, потому, что там было грязнее всего. Я послал двух нижних чинов за водой на окраину хутора, где должен быть колодец, категорически запретив умываться сивашской солью. Это удовольствие оставляю для господ большевиков, ежели, конечно, им делать больше нечего.

Пора было подводить первые итоги. Рота потеряла троих убитыми, четверо, в том числе двое юнкеров, были ранены и один бывший краснопузый исчез – не иначе, переметнулся-таки к своим. Надеюсь, в этом случае «чека» оказалась на высоте. Итак, первый гейм мы выиграли, и пора было посмотреть, что творится во взводах.

У поручика Голуба был полный порядок, пулемет уже стоял в полной готовности, а нижние чины хлебали какое-то варево, которое, как оказалось, поручик Голуб обнаружил во всеми забытой полевой кухне, чудом уцелевшей в Мурза-Каяш. Узнав расположение кухни, я отправил туда гонцов, проверил сектор обстрела пулемета и убедился, что больше мне здесь делать нечего. Поручик Голуб, похоже, действительно проснулся. Я уж было совсем собрался дальше, как заметил странную картину. Поручик, которого я отпустил обедать, мирно хлебает упомянутое варево из одного котелка с каким-то нижним чином, от которого за версту несет Рачьей-Собачьей Красной Армией. Хлебают себе, беседуют и даже смеются. Нет, конечно, вольному воля, но чтоб поручик Голуб! Да еще чтобы смеялся! Он и улыбается-то раз в полгода. Ну, а про его любовь к господам большевикам подробно и распространяться не следует. В общем, меня разобрало любопытство, и я подсел к ним третьим, тем более, моя ложка была, как всегда, за голенищем.

Выяснилось, что мир тесен. Во взвод к поручику Голубу попал его односельчанин, чуть ли не сосед. Поручик даже успел год или два поучить детишек этого соседа уму-разуму в местном народном училище. А почему поручик улыбаться начал, вскоре также стало ясно. Оказывается, краснопузый рассказывал ему о свадьбе его собственной сестры. Сестра нашего поручика,

как сообщил красный герой, вышла замуж не за кого-нибудь, а за сына председателя сельского совдепа. Вот уж неизвестно, радоваться или нет таким вестям. Впрочем, поручика Голуба можно понять: его семья жива и здорова, правда, сам он числится пропавшим без вести на Германской, но это, быть может, и хорошо.

Я сунул ложку за голенище и пробрался по ходу сообщения во второй взвод, где распоряжался прапорщик Немно. Тут тоже все было как следует: нижние чины приводили в порядок бойницы, углубляли ходы сообщения и, вообще, носились, как пчелки. Прапорщик Немно стоял посредине, блестя своими цыганскими глазами и время от времени вдохновляя нерадивых точными ударами сапога, так сказать, под хлястик.

Про цыганские глаза я написал без всякого преувеличения. Прапорщик Немно оказался самым настоящим цыганом, правда, цыганом, закончившим Петербургский технологический институт и успевшим получить на Германской Анну и Станислава. Он – военный инженер, но ушел из армии после Бреста, жил в Крыму и попал под последнюю мобилизацию. Дело свое цыган знал, проверять тут было нечего, и я для порядка велел лишь подсыпать бруствер в пулеметном окопе. Заодно удалось угоститься моим любимым «Мемфисом» – у прапорщика оказался неплохой папиросный резерв.

В третьем взводе картина была совсем иная. Грустная картина: взвод попросту спал. А ведь здесь почти половина были юнкера, можно сказать, гвардия. Конечно, мальчишек могло сморить, но чтоб так завалиться спать, не оборудовав огневую позицию и даже не выслав охранения!.. Я пнул сапогом первого попавшего слугу Морфея, поинтересовавшись, где взводный. Ну конечно, прапорщик Геренис мирно спал, завернувшись в шинель. Молоденький такой мальчик – лет девятнадцати, не больше. И прапорщика он получил только что, за успехи в учебе. Я вздохнул и пошел искать поручика Усвятского. Тот, как оказалось, не терял времени даром и уже организовал двоих штабс-капитанов из 13-й дивизии на партию в преферанс. Пришлось поманить его пальцем и направить в третий взвод.

На переправе покуда все стихло, но слева грохот усиливался, в воздухе вновь проскрежетали «Ньюпоры», а за Сивашем то и дело продолжали взлетать сигнальные ракеты. Штабс-капитан Докутович, только что вернувшийся от генерала Андгуладзе, успел прокричать мне, что бой идет по всему фронту, красные атакуют Перекоп, а связь все время рвется. Я догнал его и

поинтересовался, что, собственно, предстоит делать нам. Он немного отдышался и пояснил, что пока вместе с 13-й дивизией будем держать брод у Мурза-Каяш, ну а там будет видно.

Красные дали нам передохнуть не больше часа. Поручик Усвятский только успел доложить, что привел третий взвод в божеский вид, надрал уши прапорщику Геренису и оборудовал пулеметное гнездо, как из-за Сиваша ударили тяжелые гаубицы, и колонна красных вновь поперла на нас. Я крикнул по цепи, чтоб без команды не стреляли и, послав поручика Усвятского во второй взвод, сам поспешил в расположение третьего. Прапорщик Геренис имел не просто смущенный, а совершенно несчастный вид. Он начал было бормотать нечто вроде извинений, но я прервал его и велел заниматься взводом, повторив приказ не стрелять без команды. Заодно поглядел на его уши: они оказались обычного цвета, а значит, поручик Усвятский надрал их все же не в прямом, а в фигуральном смысле. Я достал свой трофейный «цейс», с которым не расставался с 16-го, и стал наблюдать.

Красные валили валом. Их артиллерия пыталась прикрыть колонну, устроив огневую завесу вдоль всего нашего берега, но получилось это у них не очень удачно. Правда, и пушки генерала Андгуладзе били неточно – водяные фонтаны взлетали то слева, то справа, обдавая краснопузых соленой сивашской водой, но это грозило им в худшем случае простудой.

Между тем, среди наступающей колонны что-то темнело. Я всмотрелся и понял, что комиссары волокут с собой несколько пушек. Над головой вновь закружили «Ньюпоры», и тут я понял, что брод нам удержать.

Впрочем, эту атаку мы все же отбили. Красных подпустили на pistolетный выстрел, они уже начали выволакивать свои орудия на берег, но тут разом ударили все пулеметы, из-за горящей на околице хутора хаты выполз броневик, а наши артиллеристы выкатили орудия на прямую наводку и ударили осколочными. Затем мы выскочили из окопов, но красные штыкового боя не приняли и вновь побежали обратно. Мы даже успели захватить две пушки, правда, без замков и панорам.

Больше в этот день атак не было, а к вечеру спустился туман, и красные «Ньюпоры», к нашей радости, более не появились. За Сивашем по-прежнему взлетали сигнальные ракеты, артиллерия господина-товарища Геккера время от времени постреливала, но было ясно, что до утра можно отдохнуть.

Спать пришлось в окопах, набросав поверх грязи все, что удалось найти в догоревшем Мурза-Каяше. Мне не спалось, и я решил прогуляться в штаб и узнать новости.

А новости не утешали. Весь прошедший день красные атаковали по всем направлениям, но главный удар пришелся, как и ожидалось, по Перекопу. К вечеру им удалось-таки втянуться вглубь перешейка, хотя тающий лед и несусветная грязь помешали привезти артиллерию, что дало нам некоторые преимущества. Но главное было еще впереди.

К утру все изрядно промерзли, несмотря на костры. Хуже всего был даже не холод, а страшная сырость, подползавшая с Сиваша. Над морем стоял густой туман, и противоположный берег, где скапливались для атаки красные, исчез, словно и вправду сгинул. В такой обстановке даже вражескую атаку ждешь с нетерпением. Солнце еще только-только начинало просвечивать сквозь сизую дымку, как наши соседи слева, батальон 13-й дивизии, снялись с позиции и двинулись куда-то на юго-запад. А вскоре и мы получили приказ оставить окопы и спешным порядком идти к Воинке. У брода оставался лишь небольшой заслон.

Стало ясно – дело плохо. Вопрос был лишь в том, насколько.

До Воинки было далеко, грязь временами становилась непроходимой, и я уговорил штабс-капитана Докутовича завернуть хотя бы на полчаса на наш хутор, чтобы отдышаться. Тем более, первая рота вчера выбежала налегке, оставив свои вещи, которые теперь было самое время забрать.

Уже подходя к хутору, мы поняли, что зря сделали крюк: хутора не было. Все сгорело дотла – и наши хаты, и сараи, где мы разместили новобранцев, и дом, где квартировал штабс-капитан Докутович. Мы так и не поняли, что случилось: то ли артиллерия красных нащупала-таки нас, то ли «Ньюпоры» удачно отбомбились напоследок. Семью штабс-капитан Докутович успел отослать в Карасубазар еще вчера, но все добро его роты пошло дымом, заодно с полевой кухней. Первым следствием этого стала быстрая убыль наших папирос – теперь приходилось делиться с погорельцами.

Высказавшись вслух по адресу краснопузых и про себя – по адресу командира, мы поплелась к Воинке, чувствуя себя почти что бездомными сиротами. Штабс-капитан Докутович мрачно молчал и поглядывал на меня, словно я был самым

господином-товарищем Геккером. Вероятно, он обиделся на меня за то, что я приказал своим забрать вещи, и теперь получилось нечто вроде подрыва авторитета. Я, между прочим, советовал ему сделать то же, но не любит штабс-капитан Докутович советов. Прямо-таки обожает брать ответственность на себя. Ну, раз взял, пусть тащит.

Итак, мы шли к Воинке, где-то за нашими спинами что-то грохотало, и не надо было быть великим стратегом, чтобы понять случившееся. Ежели командующий оголяет оборону на Сиваше, то, значит, на Перекопе еще хуже.

К Воинке мы подошли около часу дня, обнаружив там скопление всякого рода отрядов и отрядиков и полное безначалие, что бывает почти всегда в таких ситуациях. Даже штабс-капитан Докутович, пробежав не менее часа, не смог ничего толком узнать, и мы разместились на окраине на какой-то брошенной ферме. Внезапно в центре села что-то грохнуло, не иначе ручная бомба, затем слышались револьверные выстрелы и громкие вопли. Все это напоминало налет махновцев, но поскольку Упыря в Крыму еще не было, положение становилось еще более непонятным.

Я поднял роту, приказав выкатить пулеметы стволами на улицу. Вдалеке все еще вопили. Слышался конский топот – по улице мчался десяток верховых, впереди которых на забрызганном грязью караковом жеребце несся здоровенный малый в бурке. Вся эта кавалькада двигалась явно в нашем направлении, и я на всякий случай отбежал к пулемету. Поручик Усвятский и поручик Голуб уже были на месте.

Возле плетня молодец в бурке картинно поднял коня на дыбы, но грязь сыграла с его мустангом плохую шутку. Конь дернулся, и где-то минуту мы все с интересом следили за тем, удержится ли джигит в седле или все-таки скovyрнется. Но удалец справился, наконец, с конем, поднял руку и закричал нечто вроде «Здорово, сорокинцы!» Минуту он ждал, думая, вероятно, что в ответ последует дружное «Здравия желаем, ваше...», но мы молчали, ожидая, что будет дальше. Всадник закашлялся, а затем изволил-таки представиться.

Так мы и познакомились с Nicola Орловым. Беседа наша была недлинной. Орлов заявил, что назначен командиром резерва главкома в Воинке и потребовал рапорта. Мы молчали, и я минуту-другую раздумывал, не срезать ли этого народного героя очередью в упор. Очевидно, так думал не я один, поскольку Орлов что-то почуял, сник, а затем неуверенным тоном заявил, что за

неподчинение он разоружит наш отряд и отдаст под суд. Я начал соображать, не стоит ли вступить с ним в переговоры, дабы изловить и связать, но тут поручик Голуб свистнул, вслед ему засвистел поручик Усвятский, а затем другие, и получилось очень даже неплохо, будто бы здесь квартирует не Сорокинский отряд, а Соловей-Разбойник, Одихмантьев сын. Сообразив, что за этим последует продолжение, Орлов резво развернул мустанга и помчал назад в сопровождении своих абреков. Мы ждали. Через некоторое время в центре села вновь слышались крики, конский топот, а затем все стихло.

Картина прояснилась к вечеру. Оказывается, Орлов, прибыв в Воинку, послал телеграмму Якову Александровичу с требованием подчинения себе резервной группировки, а получив отказ и будучи освистан, бросил фронт и помчался на юг. Кое-где, как выяснилось, ему пулюнули вслед, что мы, собственно говоря и слышали.

А новости были одна хуже другой. Красные втянулись вглубь перешейка и штурмовали Уйшунь. Оставленный нами брод у Мурза-Каяш был захвачен сразу – господин-товарищ Геккер бросил конницу, с налету смел наше прикрытие и уложил всех, кто не успел скрыться, в мерзлую крымскую землю. А банда Орлова, совсем озверев, шла напрямиком на Симферополь.

Ну вот, приходится закругляться. Нас всех приглашают в штаб по поводу форс-мажора с нашими вещами.

17 апреля.

Вчерашнее разбирательство проходило, так сказать, на высшем уровне. Присутствовали генерал Туркул, генерал Ноги, несколько штабных полковников и сам Фельдфебель. Мы с поручиком Усвятским молчали и честно изображали невинных жертв. Зато «дрозды» шумели вовсю. Это они умеют! Были помянуты и покойный Дроздовский, и покойный Туцевич, и Ледяной поход, и Харьковская операция 19-го. Заодно немало было сказано о тыловой сволочи, напившейся нашей крови и теперь допивающей, так сказать, остатки. Фельдфебель попытался было рыкнуть на «дроздов», но умница Туркул встал и заявил, что ежели его офицеров и боевых товарищей – кивок в нашу с поручиком Усвятским сторону – будут обворовывать или, хуже того, обыскивать, он попросту поднимет всех на штыки. Кого это «всех», он уточнять не стал, но Фельдфебель как бы случайно взглянул на генерала Ноги, а тот отвел глаза.

Впрочем, кончилось это самым прозаическим образом. Генерал Ноги изобразил воплощенную добродетель и поклялся, что никто никого не думал обыскивать, затем Фельдфебель вызвал дежурившего в этот день по лагерю капитана-алексеевца и вкатал ему трое суток ареста. Мне стало жаль капитана, хотя, признаться, в его власти было не пустить господ белочекистов обыскивать наши вещи.

После всего этого генерал Туркул отозвал нас с поручиком Усвятским в сторону и потребовал признания во всех смертных грехах. Или хотя бы в одном: что, собственно говоря «им» от нас надо было. Вопрос застал нас, честно говоря, врасплох. Поручик Усвятский предположил, что целью обыска была его единственная колода карт, которой еще можно играть, поскольку все остальные колоды в лагере крапленые. Я углубил эту мысль, выдвинув гипотезу, что истинный замысел генерала Ноги был еще ужаснее: подменить оную колоду, подсунуть крапленую и обвинить нас в шулерстве. Туркул тут же пообещал нас застрелить, а потом перешел на шепот и сообщил, что генерал Ноги уверял Фельдфебеля, что мы с поручиком Усвятским поддерживаем регулярные контакты с Яковом Александровичем, а через него получаем задания аккуратно от «чеки». Услышав сие, поручик Усвятский выдал такую тираду, что у генерала Туркула слетела на землю фуражка, а мне пришлось приложить немало усилий, чтобы смолчать и не высказаться. В конце концов, Туркул пообещал направить к нам в палатку свою Пальму, знаменитого на весь лагерь тигрового бульдога, для несения караульной службы. Придя к такому мудрому решению, мы отослали поручика Усвятского писать очередную главу романа об отважных господах офицерах, после чего поговорили всерьез.

В главном с ним мы сошлись: все это – мерзкая возня, неизбежная после поражения, а судилище, устроенное над Яковом Александровичем – позор и сведение счетов. Причем Туркул добавил, что основная «вина» Якова Александровича – расстрел подлеца Протопопова – на самом деле чуть ли не главная его заслуга, поскольку эти интендантские шкуры хуже большевиков, а Протопопов вдобавок помогал Орлову.

Сошлись мы с ним и в другом – в том, что Барон не выдержал характер и совершил глупость, отрешив Якова Александровича от фронтового командования. Отрицать заслуги Барона глупо и бессмысленно, но то, что без Якова Александровича дела пошли совсем плохо, тоже несомненно. А Фельдфебель просто злобствует и завидует. К тому же, Барон, по слухам, собирается уходить, и кому-то придется заменить его. Ясное дело, заслуг у

Якова Александровича побольше, чем у других, вот эти «другие» и накинулись.

Не сошлись мы с генералом только в одном: я не могу и мысли допустить, что Яков Александрович, пусть даже в нынешнем его положении, способен на переговоры с большевистской сволочью. Ну, обида обидой, но забыть то, что видели мы все, то, что видел он сам!.. Нет, не верю!

Туркул посетовал, что Барон не сделал в свое время Якова Александровича главнокомандующим – тогда бы он произвел меня в генералы, а при генерале Пташникове в Голом Поле настал бы порядок. Я в том же тоне ответил, что еще лучше было бы выгнать всех их, а главкомом сделать Туркула, присвоив ему звание Генералиссимуса Крыма и Всея Таврии. После этого Туркул пообещал натравить на меня Пальму, и мы расстались, причем генерал взял у меня разрешение ознакомиться с данной рукописью. Ну что ж, ради Бога!

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/valentinov_andrey/flegeton

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)